

ВИКТОРИАНСКИЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

АЛЕКСАНДРА ТОРН

ГЛАЗ БУРИ

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ
КОМИССАР БРЕННОН И МИСТЕР ЛОНГСДЕЙЛ

Консультант

Александра Торн

Глаз бури

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Торн А.

Глаз бури / А. Торн — «Издательство АСТ»,
2022 — (Консультант)

ISBN 978-5-17-149242-7

Подчиняясь таинственному зову, девять девочек из приюта в Фаренце выпрыгнули из окна, выходящего на канал, и... стали нежитью. Но это только начало. Впереди другие смерти и опасности, угрожающие всему Континенту, а потому Лонгсдейл и комиссар Бреннон вынуждены покинуть Блэкуит и прибыть в Фаранцу, где находится запечатанный консультантами провал на ту сторону. В ходе расследования Бреннон и Лонгсдейл находят ответы на все вопросы – и кто такие консультанты, и откуда они появились. Но в тот час, когда завесы падут, комиссару предстоит сделать самый сложный выбор...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149242-7

© Торн А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Александра Торн

Глаз бури

© Торн А., 2022

© ООО «Издательство «АСТ», 2022

Блэкуит, Рида; Фаренца, Илара; осень 1864

Ночь на 6 октября

Промозглая сырость, поднимающаяся от каналов, ползла по полу и стенам – каждую ночь становилось все холоднее, а заснуть было все тяжелее. Каталина старалась лежать неподвижно, скрестив руки на груди, как велела мать Агнесса, и читать молитву, но зубы непрерывно стучали, откусывая слова. Одежда воспитанницам полагалось выдавать только зимой, до которой еще целых два месяца. В остальное время согреваться следовало огнем веры.

– Прекрати уже! – зашипела из темноты Магдала.

– Но мне холодно, – робко возразила Каталина.

– Мне тоже! – огрызнулась ее соседка. – Я ж не клацаю зубами!

Большие часы на Сан-Марко пробили десять раз. Каталина сунула руки под мышки и беззвучно зашептала молитву. В окно ударил порыв сырого осеннего ветра, и зубы у девочки застучали так, что она едва не отхватила себе кончик языка. Под дверью мелькнул тусклый свет – сестра Бенедика обходила комнаты воспитанниц. Негромко скрипнули петли, и Каталина тут же закрыла глаза. Свет скользнул по комнате; дверь закрылась.

Вода в канале тихо плескала о стены монастырского приюта. Призрачные водяные блики плясали по стенам, словно холодные огоньки. Каталина свернулась в клубочек, не сводя с них глаз. Они были красивые, как грани драгоценных камней на дверях алтаря или стекла в витражах монастырской церкви. Блики танцевали в такт мягкому плеску снаружи, и девочка смотрела на них, пока не начало двоиться в глазах. На миг ей почудилось, будто по стене расплзаются мокрые пятна, но она сморгнула, и наваждение пропало.

Как же холодно! Каталина плотнее сжалась на койке и подышала на пальцы; дыхание поднялось облачком пара. Она даже на улицах Фаренцы не мерзла так, как в приюте. Россыпь бликов перелетела на потолок и закружила над девочкой стайкой сверкающих бабочек. Вода шелестела за стеной – так близко, словно канал поднялся вровень с окнами.

Что-то тихо закапало в углу. Капли выстукивали ритм, и Каталина, не будучи в силах уснуть от холода, стала прислушиваться. Минуты капали одна за другой, а она все слушала и слушала. Капли стучали совсем близко, и наконец девочка разобрала в их ритме обрывки слов. Тихо-тихо, так, что еле различить, – слоги, тающие в темноте, звуки, сливающиеся в слова, вот только самих слов не разобрать. Каталина изо всех сил напрягала слух, стараясь не стучать зубами.

«Та-та-та, – стучали капли. – Да-да-да!..»

Где-то далеко-далеко тягуче забил колокол, отмечая одиннадцатый час. Его звук, дробясь и дребезжа, отразился от стен, зазвенел в ушах, как крышка старой кастрюли, но едва он стих, как девочка снова услышала: «Тип-тип-тип... иди-иди-иди!»

Она села и спустила ноги с койки: пол вдруг оказался склизким от влаги. На штукатурке проступали мокрые пятна, сплетающиеся в странное кружево, которое расстиралось по стенам и потолку. От сырости одежда липла к коже, и всюду было холодно. Но неважно: в стуче капель слышались нежный звенящий смех и веселый зов.

Каталина, мелко дрожа, огляделась. От стен и пола тянуло пронизывающим холодом, но капли настойчиво стучали, подсказывая что-то. Водяные блики скользнули по стене к окну и затанцевали вокруг рамы. Девочка сползла с койки, и из углов радостно закапало: «Да-да-

да!» Подоконник тоже был скользким от воды, рама разбухла и пахла плесенью. Но когда Каталина налегла на нее плечом, дерево вдруг расплзлось, как мокрая картонка. Девочка толкнула сильнее, и рама вывалилась из окна. Вода в канале поглотила ее и подняла темно-зеленые волны, словно руки, протягивая их к Каталине: «Ти-ти-ти... лети-лети-лети!»

Девочка высунулась из окна, наклонилась ниже, чтобы дотянуться рукой до волн – таких темных, бархатистых на вид. Вода вползла на стены, будто сама стремилась навстречу. Вдруг что-то толкнуло девочку в спину, и она сорвалась со скользкого подоконника. Темная вода всколыхнулась, упруго ударила в лицо, обвила Каталину ледяными волнами – и ей наконец стало тепло.

8 октября

Натан развернул хрустящую промасленную бумагу, с наслаждением вдохнул аромат и впился зубами в ореховый пряник. Валентина вплотную занялась его питанием, включая завтраки на работе, и Бреннон предчувствовал скорое появление в ремне новой дырочки. Брюки уже сделались немного тесноваты в поясе. Комиссар стал больше ходить пешком и почаще чесать кулаки в боксерском зале, где тренировались полицейские, пока не помогало.

«Вы гораздо лучше выглядите», – как-то заявил ему Бройд, и Бреннон тут же заподозрил, что причиной округлого сложения шефа являлся долгий счастливый брак. В Мазандране Бройд был значительно меньше в объемах. Комиссар взял карандаш, придвинул к себе отчет о вскрытии и вгрызся в пряник. Песочный, с карамельной начинкой, м-м!

В дверь постучали; Натан, с трудом отложив выпечку, выдал: «Вдте!» Вошел Риган, несмело приблизился к начальству и протянул листок с прошением о двухнедельном отпуске.

– Сколько ж тебе лет? – спросил комиссар.

– Двадцать семь будет скоро, сэр.

– Такой молодой, еще бы жить да жить, – сказал Бреннон, подписывая, – а уже женишься. Риган покосился на пряник и пробормотал:

– Какие-то плюсы в этом все же есть...

– Но-но, – погрозил пальцем комиссар. – Это только за особые заслуги. По трупу в ювелирном движение есть?

– Да, сэр. Допросил местных – кое-кто смог в общих чертах описать налетчиков. Не портретно, конечно, но когда пара украденных вещей всплыла у перекупщика и мы его взяли, то он узнал по описанию одного из подозреваемых. Джек Щербина, фамилии, понятно, нет, но личность в своем роде известная. Сэр, если я возьму ребят, то сможем устроить облаву в кабаке, где он обычно отирается.

– Валяй, – разрешил Бреннон. – Но без глупостей. В первые ряды не лезь, усек? – Он постучал пальцем по прошению. Риган слегка покраснел.

– Я только с ноября прошу, сэр...

– А то ж. Что насчет мародеров?

– Пакую дело в суд. С моими закончил, могу подхватить тех, кто у Галлахера.

Бреннон кивнул. Ночка гражданских бунтов, устроенная Ройzmanом, аукалась городу и департаменту до сих пор. К тому же среди горожан всегда находились те, кто готов убивать и грабить исключительно по зову души, без всякого внушения. А еще шестьдесят два испепеленных человека – штука ли! Именно из-за этого Бреннону пришлось отложить свадебное путешествие. Но наконец-то все более или менее утряслось, и Валентина занялась подготовкой поездки.

– Да, еще. Тут труп в борделе нашли, ван Виссен требует кого-то от нас. Займись на досуге.

– Хорошо, сэр.

Риган ушел, но едва комиссар вновь погрузился в описание травм неизвестной жертвы, найденной у вокзала, как в дверь снова постучали. Бреннон недовольно засопел и снова отложил пряник.

– Ну, кто там?

Это оказался Лонгсдейл, консультант по магическим делам, – в руке у него была телеграмма, которую он нес с крайне озадаченным и даже озабоченным видом. За консультантом, как всегда, следовал пес, и комиссар с некоторым удивлением отметил, что оба выглядят обеспокоенными.

– Доброе утро. Что у вас стряслось?

Консультант положил на стол телеграмму, а пес уселся перед Бренноном и вперился в его физиономию зловещим взглядом.

– Меня срочно вызывают в Фаренцу, – объявил Лонгсдейл.

– Куд-да-а-а?! – поперхнулся Натан. – Зачем?

Пес лапой придвинул к нему телеграмму. Она была на иларском, и комиссар не понял ни слова. Лонгсдейл опустился в кресло.

– Я и сам толком не разобрался. В Фаренце работает мой коллега Паоло Уркиола. Вчера вечером я получил от него эту телеграмму с просьбой немедленно приехать.

– А что в этом необычного? Вы ведь таким же образом вызывали нам на помощь мисс Эттингер и мистера Бергмана.

– Здесь дело в чем-то другом. В Фаренце находится приют для девочек Санта-Александра. В ночь на шестое число девять воспитанниц утопились в Большом канале, выбросившись из окон. Тела так и не нашли.

– Черт подери! Ваш коллега считает, что это из-за магии?

– В этом-то и проблема! – Лонгсдейл нахмурился. – Для консультантов это обычная рабочая ситуация. Я не могу понять, что встревожило синьора Уркиолу настолько, чтобы он срочно потребовал моего присутствия. Больше того – утром со мной связалась фройлен Эттингер. Она и еще несколько консультантов получили от Уркиолы такие же телеграммы.

– Гм. А он не может сообщить вам какие-нибудь подробности?

Пес громко запыхтел. Лонгсдейл как-то настороженно подобрался и, тщательно выбирая слова, произнес:

– Час назад я попытался связаться с синьором Уркиолой, чтобы обсудить ситуацию. Не телеграммой, а другим образом. Но он не отозвался. Фройлен Эттингер сказала, что тоже пыталась, однако тот словно исчез без следа, едва отослал мне телеграмму.

– Думаете, еще кто-то вроде Ройзмана? – тихо спросил Бреннон. А ведь Редферн ему говорил...

– Не знаю. Надеюсь, что нет, но после истории с фройлен Эттингер... может, если бы мы активнее следили за тем, что происходит с нашими коллегами, то до этого бы не дошло.

– Вы решили ехать?

– Да. Ни фройлен Эттингер, ни прочие консультанты сейчас не могут оставить работу, а у нас как будто пока все спокойно.

– Ну, спокойствие – штука непредсказуемая, сегодня есть, завтра нет. Но поезжайте, конечно. Если бы мои коллеги из другого города запросили помощи, то я бы уже паковал чемодан.

– Больше всего меня волнует это странное исчезновение, – признался Лонгсдейл. – Не могу представить, что с ним могло случиться.

– Редферн упоминал гибель одного консультанта – лет сорок или пятьдесят назад. Но ведь вас же нельзя убить, я сам видел.

– Убить – нет. Но можно полностью уничтожить.

– Э... как это?

– Например, мгновенно испепелить. Не в обычном огне, разумеется. Такое случилось в тысяча восемьсот девятнадцатом году с моим коллегой из Дейра, Альбертом Джефферсоном, когда он пытался закрыть провал на ту сторону.

Пес недовольно заворчал, Лонгсдейл заерзал в кресле. Бреннон внимательно на него посмотрел, достал из ящика фляжку с виски, стаканчик, плеснул в него бодрящей влаги и придвинул к консультанту.

– Выпейте. Вы думаете, этот ваш Уркиола в ходе расследования влез в какой-то провал?

– Не просто в какой-то. – Лонгсдейл выпил виски и удивленно спросил: – Зачем вы мне его дали?

– Считайте, это жест поддержки. Я был в Фаренце, и гиды с лодочниками рассказывали мне, что на одном из островов в заливе есть потусторонняя дрянь.

– Это не дрянь. На Лиганте находится самый крупный провал на нашем континенте.

– Чего?! – подскочил комиссар. Пес мрачно покивал. – Но там же город рядом и людей вокруг полно! Как же... в Эдмуре же...

– Вокруг провала на Лиганте установлен защитный купол, и следить за его состоянием – обязанность Паоло Уркиолы. Была, – подытожил Лонгсдейл и протянул Бреннону рюмку: – Еще есть?

Натан обалдело помолчал, наливая виски, и наконец спросил:

– Но почему никто не закрыл эту чертову дыру? Рядом с ней минимум сотня тысяч людей!

– Сто шестьдесят, если быть точным. К сожалению, закрыть провал на Лиганте нельзя.

– То есть как? Вы же закрывали у нас тут, в храме, а Полина Дефо в Эдмуре вообще в одиночку справилась.

– Это лишь мелкие прорехи, – усмехнулся Лонгсдейл. – Провал на Лиганте настолько глубок и обладает такой мощью, что при установке защитного купола из двенадцати консультантов выжил только Паоло Уркиола. – Бреннон тихо присвистнул. – Он никогда не покидал Фаренцу, следил за провалом все эти годы, а теперь и Лиганта, и купол над ней остались без присмотра. Именно поэтому я должен ехать.

– Неужели никто не пытался обезвредить эту бомбу, тикающую рядом с большим городом?

– Вы уже видели, как закрывают провалы. Для этого надо войти под купол и встать рядом, что в случае с Лигантой невозможно даже для консультантов. И если не найдется никого, кто заменит Уркиолу, тогда в Фаренце придется остаться мне.

– Проклятие! Не хотелось бы показаться эгоистичной скотиной, но меня гораздо больше устраивает ваше присутствие здесь. Слушайте, – нахмурился Бреннон, – я бы на вашем месте все же вызвал на подмогу хотя бы одного из ваших. Если дело и впрямь настолько серьезное, кто-то должен подстраховать вас и прикрыть спину.

– Мы это уже обсуждаем. Возможно, через день или два ко мне присоединится кто-нибудь из моих коллег.

– Когда вы едете?

– Сегодня. Боюсь, Джен мне придется взять с собой.

Бреннон от этой вести не расстроился. Ведьма уже сожгла живьем шестьдесят с лишним горожан, и комиссар больше не хотел таких сомнительных подвигов.

– Будьте осторожны. Надеюсь, у вас найдется время прислать весточку-другую. Я хоть не способен вам ничем помочь, но все-таки хотел бы знать, что с вами все в порядке.

– Хорошо, – кивнул Лонгсдейл. – Кстати, когда вы с миссис Бреннон уезжаете?

– Через несколько дней. Но завтра я еще буду здесь.

– Договорились. Я напишу вам по приезду.

– Насчет вас я сообщу Бройду сам, – добавил Бреннон, уже представив себе восторг шефа от такой новости, да еще и в преддверии отъезда самого комиссара в свадебное путешествие с женой.

Маргарет затаилась под высокими купами бузины. Уже вечерело, и холодок осенних сумерек заползал под жакет и шарф. Пальцы тоже немного мерзли – колдовать в перчатках у девушки пока почему-то не получалось.

В траве послышался слабый шорох; Маргарет подняла револьвер, одновременно концентрируясь на заклятии. По крайней мере, в похищении, устроенном Ройzmanом, был один плюс: много месяцев мисс Шеридан буквально умоляла Энджела не мучить ее ботаникой. И вот наконец по возвращении из Доргерна наставник признал ее ботаническую бездарность и заявил: «Теперь вы будете намного активнее практиковаться в защите и нападении». Вот этим Маргарет и занималась уже несколько часов...

Шорох приближался. Девушка взглянула на часы, которые повесила на ветку рядом. Они показывали, что ползучая гадина уже в пяти ярдах.

– Scutum, – шепнула Маргарет; над ее левой рукой возник невидимый щит. Из травы с шипением вырвалась змеевидная тварь, раздула капюшон и ринулась к девушке, капая ядом с клыков. Мисс Шеридан упала на колено и, когда гадина взвилась над ней, выстрелила, прикрывшись щитом.

Голова змеи лопнула, извивающееся тело отбросило назад и, пока оно не отрастило новую башку, Маргарет сожгла его в пламени свежеевученного огненного заклинания. Справа мелькнула тень. Девушка отшатнулась и бросила навстречу щит. Он разлетелся на куски, но отклонил удар незримого лезвия, так что оно впилось в бузину.

– Sphaera in ignis! – крикнула мисс Шеридан. Вокруг Энджела сомкнулся прозрачный шар, и трава поблизости от него мгновенно обратилась пеплом. Наставник погасил шар, рассеял в воздухе и с укоризной заметил:

– Маргарет, ваша сфера должна была нагреваться внутри, а не снаружи.

Девушка с досадой прикусила губу, а Энджел обвел учебный полигон удовлетворенным взглядом:

– На сегодня хватит. Вы учинили достаточно разрушений, чтобы получить ужин и небольшой подарок.

– Подарок? – с подозрением переспросила Маргарет.

В прошлый раз Редферн принес ей коробку шоколадных конфет, которую окружали парализующие чары. К тому времени, когда девушке удалось их взломать, конфеты растаяли, превратившись в малоаппетитный ком.

Наставник галантно предложил мисс Шеридан руку, и они направились к замку. Ужин был накрыт на застекленной террасе. Энджел в заботе о том, чтоб его воспитанница не отощала от непосильной учебы, распорядился приготовить перепелок в тыкве, запеченную сладкую фасоль и закуски.

– Вот странно, – задумчиво заметила Маргарет, пока он вынимал из тыквы птичек, – если в нашем мире то и дело происходят войны, катаклизмы и прочие катастрофы, то почему в нем нет множества дырок на ту сторону? Он мог бы быть испещрен ими, как меерзандский сыр.

– Вы упускаете из виду первопричину, маленькое несведущее создание.

– Какую? Одна куча людей поубивала другую кучу людей. Почему в итоге не появилась куча порталов?

– Дело в равновесии. – Редферн положил ей фасолу и полил сверху соусом из тыквы. – Одна армия против другой армии – это вооруженные люди по обе стороны. Все они способны нападать и защищаться. Совсем другое дело – тысячи невинных жертв, погибших внезапно. Еще перепелку?

– Нет, спасибо. Но ведь не каждый катаклизм или эпидемия приводят к открытию стихийных порталов. На месте Антарны после извержения должна быть огромная дыра, так ведь нет ни одной, кроме тех, что прокопали археологи.

– Вы забываете еще кое-что. – Энджел налил себе вина. – Никто из нас не знает, что происходит с той стороны. Я уверен, что там тоже возникает какой-то процесс, влияющий на появление порталов. Приятного аппетита.

– Приятного аппетита, – ответила Маргарет.

Наставник не любил говорить о порталах, и девушка догадывалась почему: не только из-за того, что случилось с ним на Лиганте, но и потому, что не было никакого способа изучить их со всех сторон или предотвратить их появление.

Мисс Шеридан крепилась до самого десерта, но вопрос, ужаливший ее в мозг, был так интересен, что она не сумела удержать его в себе:

– Энджел, а вы никогда не пытались отправить на ту сторону какой-нибудь механизм вроде крысы, которую брали в Эдмур?

– Пытался, – сухо отозвался наставник.

– И что?

– И ничего. Я потерял с ним связь, едва зонд ушел на ту сторону.

– Жалко...

– Это еще неизвестно, жалко или нет. С той стороны иногда приходят не монстры, а такая зараза, которую вам и в страшном сне не представить. – Редферн помрачнел, и Маргарет не стала продолжать разговор. К тому же около тарелки Энджела лежали книга и маленький деревянный тубус; девушка догадывалась, что это тот самый подарок, и ей хотелось поскорей его вскрыть.

После десерта, фруктов и вина наставник снова повеселел и, когда вся посуда исчезла со стола, небрежно подтолкнул к Маргарет тубус:

– Открывайте.

Мисс Шеридан тщательно изучила щедрый дар на предмет ядовитых игл, вредоносных чар и зелий, обезвредила ослепляющее заклинание и наконец осторожно раскрутила тубус. Внутри лежал свиток, стянутый черной бархатной ленточкой с личной печатью Энджела. Маргарет бережно вытряхнула свиток на скатерть.

– Что это?

– Разверните и прочитайте.

– А со мной ничего после этого не случится?

Энджел, явно забавляясь, понаблюдав за попытками девушки стащить ленточку с помощью зубочистки и ответил:

– Конечно, я мог бы подарить вам на день рождения хорошую лошадь или новые револьверы, но мне подумалось, что Цепь Гидеона пригодится вам больше.

Маргарет дернулась так, что выронила свиток, и неверяще уставилась на Редферна:

– Что?!

– Не бойтесь, оно совершенно безопасно. Для вас.

– Но... но... но я думала, что... – Она задохнулась. Энджел, рассказывая об утерянных заклетах Гидеона, ни словом не упомянул, что у него в закромах валяется одно из них! – Откуда оно у вас?!

– Я долго его искал, и эта находка стоила мне немалых усилий. Заклетья Гидеона нелегко обнаружить спустя столько веков...

– И вы отдаете его мне?

– Да. – Энджел отвел взгляд. – Я отдаю его вам, чтобы вы всегда были в безопасности.

«Это из-за того, что случилось, из-за Ройзмана...»

Он до сих пор не мог себе простить, а Маргарет не хотела об этом вспоминать.

– Цепь Гидеона не похожа ни на одно заклятие, которые вы видели раньше. Ее не сдержат браслетами, которые использовал Ройзман, но если вы решите ею воспользоваться, назад пути не будет. Цепь Гидеона нельзя отменить или прекратить ее действие.

– Как так?

Энджел протянул девушке книгу.

– Прочтите. Здесь все ответы. Гидеон создавал уникальные заклинания, и если бы я только мог понять, как ему это удавалось!

– Но разве я смогу им воспользоваться? – робко спросила Маргарет. – Я же еще и года не проучилась, чтобы...

– Я вам помогу. Полагаю, вы достаточно освоили высокую концентрацию, чтобы не убиться при его использовании.

– А если не освоила?

– Озеро в пещере всегда к вашим услугам.

– Погодите, я запуталась, – нахмурилась Маргарет. – Вы поможете мне его использовать, но как же я потом буду применять его сама?

– Цепь Гидеона после прочтения заклятия останется с вами навсегда. Вам нужно будет научиться управлять ею, но после того, как вы примените это заклинание, вы никогда уже не сможете от нее избавиться. – Энджел прижал книгу к груди Маргарет. – Прочтите и подумайте хорошенько. Когда вы решитесь...

– Спасибо, – шепнула девушка. Она знала, почему такой подарок: после того как Энджел понял, что не всегда может обеспечить безопасность своей ученицы, он хотел, чтобы она могла сама себя защитить.

Наставник вдруг обнял девушку, коснулся губами лба, несколько раз поцеловал ее волосы. Маргарет слабо вздрогнула и отстранилась. Редферн пристально посмотрел на нее, и девушка поторопилась отвести глаза, занявшись упаковкой свитка обратно в тубус.

Когда мисс Шеридан снова взглянула на Энджела, он стоял около окна: закатные блики бросали румянец на его бледное лицо и подкрашивали каштановые волосы рыжим, словно пламя костра. Он был задумчив и вдруг показался Маргарет очень печальным. Девушка подошла к учителю. Ей хотелось коснуться проступивших морщинок у его глаз, поцеловать в ответ, прижаться к его груди – но она только взяла его руку и сказала:

– Это не из-за вас. Я знаю, что вы не станете делать ничего... такого, как Ляйднер. Мне просто нужно еще время. Немного.

– Да, – мягко сказал Энджел. – Я знаю.

Маргарет снова прикусила губу. Анатомический атлас совершенно однозначно толковал бурные ощущения, которые вызвали у нее действия Энджела тогда, в ее спальне дома. Однако этот же атлас содержал суровое предупреждение, о котором девушка размышляла так долго и мучительно, что сейчас выпалила, почти не раздумывая:

– И я не хочу забеременеть! – И залилась жгучей краской, когда Редферн поднял бровь и насмешливо протянул:

– Ах, так дело еще и в этом...

В его руке появился флакон темно-зеленого стекла, полный какой-то жидкости.

– Возьмите. Это мирхина. Противозачаточное. Один глоток за пять минут до собственно акта...

– Я поняла!

Наставник вручил ей флакон и уже собрался выдать что-то ехидное, как вдруг из кармашка для часов раздался громкий писк. Энджел вытащил часы и щелкнул крышечкой. Красный шарик под стеклом замер, пульсируя ярко-алым цветом. Такого Маргарет еще не видела – обычно шарик двигался, указывая на приближение нежити или нечисти.

– Что это значит, Энджел?

– Я поднимусь в свой кабинет. Мне требуется кое-что проверить.

– Я вам нужна?

– Нет. Идите почитайте книгу.

Девушка взяла подарки и следом за Энджелом поднялась по лестнице, только он свернул в кабинет, а мисс Шеридан – к своим комнатам. Там она убрала свиток и флакон в ящик комода и села за книгу. Однако любопытство родилось гораздо раньше Маргарет – даже самая интересная книга про самое лучшее в мире заклятие не могла увлечь девушку, пока она не узнает, что такого случилось с часами и что наставник делает у себя.

Дверь в кабинет Редферна была приоткрыта, и Маргарет, постучавшись из вежливости, переступила порог. Энджел, покачивая часы на цепочке, стоял у большого серебристого глобуса, который обычно мерно вращался над треногой рядом с рабочим столом. Но теперь шар застыл, а один из участков карты был сильно увеличен и парил над ним. Вид у Энджела озадаченный.

– Что случилось? – спросила мисс Шеридан и поглядела на карту. Это было северо-восточное побережье Илары, где в глубоком изгибе залива лежала Фаренца, раскинувшись на сотне островов.

– Не могу понять, – пробормотал Редферн. – Мне поступил сигнал, но ведь все в порядке. – Он еще покрутил карту, и она сместилась дальше в залив, к островам... точнее, к одному острову. – С какой стати прошел сигнал, там же есть консультант?.. Или уже нет? – Энджел нахмурился, отступил от глобуса и выдвинул ящик стола.

– Вы ведь говорили, что не следите за ними.

– За всеми – конечно, нет. Только за одним.

– Но почему?

Редферн вытащил из ящика продолговатый кристалл на цепочке. Внутри мерцал рой зеленых искр.

– Потому что этот консультант, Паоло Уркиола, – единственный, кто все время наблюдает за Лигантой.

Сердце Маргарет екнуло от любопытства. Неужели она наконец узнает об этом острове что-то интересное? Энджел никогда не рассказывал, и прочитав было нигде – он явно прятал все записи, если они вообще существовали.

– А зачем он за ней следит?

– Не столько за ней, – наставник осмотрел кристалл, протер его тряпочкой, – сколько за провалом на ту сторону на этом острове.

– Так он до сих пор открыт?! – закричала Маргарет. Энджел поднял на нее потемневшие глаза, и она вдруг осознала, что наставник никогда не рассказывал ей о том, что же стало с провалом на Лиганте. – Но почему?! Там же целый город рядом! Сотня тысяч людей! Как вы...

– Если бы я мог его закрыть, неужели вы думаете, что не закрыл бы?

– Но... тогда как же...

– Я разработал технологию консервации и полной изоляции для провала на Лиганте. Над ней был создан защитный купол, а вокруг установлен периметр, не выпускающий никого в ее прибрежные воды и не выпускающий ничего оттуда. Уркиола все эти годы следил за состоянием купола и периметра, а теперь... – Энджел пробормотал заклинание, еще больше увеличил карту и погрузил в нее кристалл. – А теперь посмотрим...

Рой искр вырвался из кристалла и закружился по карте, как метель. Маргарет завороненно смотрела на них, пытаясь осмыслить такое открытие. Она и не подозревала, что провал открыт. Ей почему-то казалось, что он закрылся – ведь для этого же и существуют консультанты, верно? Они наверняка нашли такую огромную дыру на ту сторону и позаботились... но почему у них не получилось? Почему пришлось консервировать остров? И что будет, если...

Девушка встряхнула головой, отгоняя эту мысль. Искры на карте вспыхнули и вдруг погасли одна за другой. Энджел убрал кристалл и озабоченно побарабанил пальцами по столу.

– Странно, – наконец изрек наставник. – Уркиола исчез. Но купол и периметр над Лигантой – вот они, нетронуты и совершенно целы. А раз так – то куда же он подевался?

– Может, уехал?

– Нет, тогда амулет, – Энджел помахал кристаллом, – указал бы куда. Куда этот чертов консультант мог утащиться, если должен сидеть и следить... О! – вдруг встрепенулся он. – Маргарет, ваш дядя, кажется, собирается в свадебное путешествие по Иларе?

– Энджел! – с упреком воскликнула девушка. – Ну вы же не собираетесь просить дядю лазить по вашей Фаренце в поисках консультанта в свой единственный медовый месяц?

– А почему нет? – хладнокровно сказал Редферн. – Что может ему помешать? Я же не прошу его залезть в склеп с упырями и упокоить их заклинаниями. Обычная розыскная работа...

– Но он едет в свадебное путешествие!

– Да я ему заплачу, если дело в этом. Уверен, ваш дядя уже через три дня от скуки взвоят без работы, а так и ему развлечение, и мне... нам польза.

– Ох, ну ладно, – сдалась мисс Шеридан. В конце концов, у нее на столе лежала интересная, еще не читанная книга про заклятие Гидеона, а дядя Натан достаточно взрослый, чтобы самостоятельно послать Энджела с его деловыми предложениями куда подальше.

9 октября

Там была собака. Большая рыжая собака. Ренцио облизнула губы. Пес лежал у крыльца, опустив башку на лапы, и лениво наблюдал за редкими прохожими. Но стоило девочке шагнуть к дому, как пес приподнял морду и пристально уставился на нее. Ренцио замерла. Она никогда раньше не видела тут этой собаки, но в дом теперь не попасть.

Синьор, который жил здесь, вот уже два дня как отбыл неизвестно куда. Отличное время, чтобы залезть в окошко и пошарить в ящиках и шкафах. Лакомый кусок – правда, раньше что-то отталкивало их всех от этого дома. А сейчас... Ренцио была настолько тощей, что втиснулась бы в лисью нору, и вот все прахом: здесь лежит собака. Здоровущая какая! Без мяса с отравой не обойтись. Девочка сердито сплюнула, завернулась в дырявую шаль и побрела прочь.

На узкой улице в такую рань никого не было. Справа высились дома, слева плескалась вода. Ренцио держалась ближе к строениям – каналы она не любила. Вдруг позади мелькнула тень, и девочка испуганно шарахнулась. Проклятущая псина! Она неторопливо топала по мостовой, иногда нюхая воду.

«Да чтоб ему! Ничего он там не охранял! Просто так у крыльца валялся! Камнем бы в него швырнуть, но камня под рукой не было. Хотя... Холеный, – подумала девочка; пес сунул в воду лапу. – Может, его увести и продать? Но как увести такого огромного? Он же наверняка как куснет! И залает, как пить дать! Да ну его...»

Она осторожно попятилась от собаки и пошла к виа Марчио. Сейчас едва светало, осенние утренние сумерки были холодными и густыми. В шелесте волн, водяных бликах канала, запахе тины и водорослей было страшное. Ренцио отступила ближе к домам и ускорила шаг.

В канале вдруг так сильно плеснула волна, что брызги окатили девочку до колен. Ренцио натянула повыше шаль и покосилась на канал. Никогда они ей не нравились – швырнул тело с камнем на шее в воду, и делов! Ни следа, ни намек, ищи сто лет – и не найдешь. Уж сколько

раз... Ренцио растерянно замерла. Ей вдруг послышался странный звук – словно под водой кто-то тихонько пел. Но кто там может петь, там же только тина, водоросли и мусор?

В голове у нее слабо зашумело – так же, как гудит раковина, если поднести ее к уху. По маслянисто-темной поверхности воды плясали лиловые и бледно-фиолетовые отсветы, будто на глубине плыл кто-то с фонарем. Сквозь шум в ушах девочка разобрала чьи-то голоса – веселые, красивые, доносящие откуда-то снизу.

«Бежать...» – подумала она, но нежный мелодичный плеск волн заставил ее сделать шаг к воде, потом еще и еще. Блики весело танцевали, голоса звучали все отчетливей, и когда девочка подошла к краю, чья-то ледяная рука цепко схватила ее за лодыжку и дернула вниз.

Ренцио стукнулась о камень так, что нога и бок онемели от боли. Холодные пальцы впились в ее кожу, как когти, и она съехала по склизкой мостовой в черные волны канала. Но прежде чем над ее головой сомкнулась вода, на краю мостовой вспыхнула огромная огненная фигура, и рыжий пес с ревом нырнул в канал.

Вода мигом разогрелась, как в чайнике. Пронизывающий холод, от которого сердце Ренцио едва не остановилось, исчез, а мечущиеся вокруг белесые тени отпрянули. Пес схватил девочку за шкурку и выпрыгнул на мостовую. Он бросил Ренцио себе под брюхо и встал над ней, глухо рыча, – живая гора из огня и жара. Над водой раздался дикий злобный визг – звук заскакал по волнам, дробясь и рассыпаясь эхом, а потом из канала с плеском вырвались три светлые фигуры.

Ренцио откашлялась, отплевалась, подняла голову и оцепенела: над водой кружили девочки в длинных рваных рубашках. Их лица были странно искажены, кожа источала бледное свечение, а в приоткрытых ртах виднелись ряды зубов, один за другим, уходящие прямо в глотки. Пес припал к камням мостовой и испустил такой рев, что у Ренцио чуть дух не вышибло. Она зажала руками уши и сжалась в комок. Ей бы ни за что не удалось сдвинуться с места – руки и ноги почти отнялись от страха, даже сердце еле билось.

Вдруг одна из девочек ринулась вниз, как хищная птица. Перед Ренцио мелькнули белые лохмотья, кости вместо ног, длинные когти на птичьих лапах, – а потом пес прыгнул. Он вцепился в девочку-призрака, повалил ее наземь и вонзил в нее клыки – трепал, раздирая в клочья, топтал лапами, и огонь прожигал ее тело... Она так визжала, что у Ренцио голова чуть не лопнула. От ужаса девочка вжалась в камни мостовой, зажмурилась и наконец провалилась в глухой мрак.

...Она очнулась от того, что по лицу елозила горячая мокрая шершавая тряпка. Ренцио замотала головой и ткнула локтем во что-то теплое и мягкое. Открыла глаза. Над ней стоял пес. Его глаза горели, как угольки, но шерсть уже не пылала, и из пасти свешивался большой розовый язык. Впрочем, язык псина тут же втянула. Рядом на корточках опустился какой-то синьор, и Ренцио попыталась отползти. Она-то знала, чем занимаются всякие синьоры, когда им удастся поймать на улице девчонку!

...а у этого еще и глаза светились бледно-голубым...

– Не бойся, – с мягким акцентом сказал он. – Это мой пес.

Девочка сглотнула. Синьор оказался таким рослым здоровяком, что мог бы придушить ее одной рукой, если б только подумал, будто она хотела украсть его собаку.

– Кругом чисто. – Около них остановился худощавый черноволосый парень. – Другой нежити рядом нет.

Синьор кивнул. На вид он был серьезным и добродушным, но они все с первого взгляда ничего, а на деле...

– Расскажи нам все. С того момента, как поняла, что происходит нечто странное.

Почему им всем надо, чтобы с ними говорили?! Ренцио вот за всю жизнь ни словечка не сказала, и ничего, не померла!

– Если ты не хочешь говорить, – продолжал синьор, – то просто расслабься и вспомни сегодняшнее утро.

– Может, не будем заниматься этим здесь? – недовольно спросил парень. – Давайте хотя бы за какой-нибудь угол свернем.

Ренцио подобралась. От этих могут спасти только быстрые ноги. Надо просто выбрать минуту и внезапно броситься бежать. Будто мало ей этих водяных призраков! Она вспомнила ледяные пальцы, зубастые пасти и мелко затряслась.

– Никто не причинит тебе вреда, – сказал синьор, и пес опустил тяжелую лапу ей на плечо.

– Мы дадим тебе еды и денег, – вмешался его приятель. – Времени уйдет минут пять, а потом можешь валить на все четыре стороны.

Вот-вот, всего-то останься с синьором на минуточку, он даст тебе денег и хлебушка. Ренцио собрала в кулак остаток сил, вскочила и рванула прочь. Парень сцапал ее за шкурку и поднял извивающуюся девочку в воздух, как пук моркови. Она пнула его изо всех сил, но он даже не дернулся, поймал ее за подбородок и уставился ей в лицо. Ренцио не успела зажмуриться. В очень черных, без блеска глазах парня вспыхнули огненные кольца. От этого жуткого взгляда девочка обвисла, будто тряпичная кукла, в голове помутилось, и дальше она не помнила...

«Какого черта ему надо?» – сердито думал Бреннон, прогуливаясь с Валентиной по набережной. Как будто по воскресеньям им заняться больше нечем, только бегать на встречи с пироманом!

– Письма пишет, – проскрипел комиссар, пронизывая раздраженным взором толпу горожан, гуляющих по набережной. – Встречи назначает! Я ему кто – друг семьи, что ли?

– Но вдруг он что-нибудь знает о пропавшем в Фаренце консультанте? Ты так беспокоишься за Лонгсдейла, а мистер Редферн, быть может, следит за этим городом.

– Не уверен, что после рассказов пиромана мне полегчает, – буркнул Натан. Лонгсдейл, пес и ведьма отбыли в Фаренцу восьмого числа после полудня. Консультант обещал писать по мере возможности, но Бреннон, памятуя о прошлых делах, сомневался, что тот сумеет выкроить на это время.

Валентина взяла комиссара под руку, и его раздражение утихло. К тому же денек был просто чудо: пригревало солнышко, на небе до самого горизонта – ни облачка, даже вода в Уире казалась теплой, как летом. Горожане с удовольствием гуляли, обсуждая необычно теплый октябрь.

– А потом ничего не случится? – тихо спросил Натан, поглаживая руку вивене¹. – Ну, с погодой и вообще, от того, что ты тут влияешь...

– Нет, – безмятежно отозвалась она. – Я же знаю, что делаю. Все равно нам скоро уезжать, так почему бы не насладиться теплом перед отъездом? Когда мы вернемся, будет уже глубокая осень.

Бреннон хмыкнул: похоже, блэкуитцы ничего не имели против затянувшегося лета. Раз он не смог увезти Валентину в путешествие сразу после свадьбы – то почему бы ей не порадовать себя теплом и солнышком? Они собирались на юг Илары, где, как сказала Валентина, в это время года чудесная погода. Впрочем, чудесную погоду они наверняка привезут с собой.

¹ Вивене (они же агуане, они же брегостене или пантегане) – фольклорные персонажи из местных легенд сел и деревень в предгорьях Альп. Это духи жизни, которые оберегают реки, леса, луга и поля. Валентина также является хранительницей места.

За время, прошедшее после женитьбы, Натан немного пообвыкся в новом положении, одним из весомых плюсов которого было обитание прямо напротив работы. Бреннон особенно оценил это, когда днями и ночами разгребал последствия ночного бунта, устроенного злобным магом Розйманом. Всегда приятно, доработав до часу ночи, перейти улицу и оказаться дома.

Еще больше Натан оценил деликатность, с которой Виктор перевесил портрет отца к себе в комнату. Дети Валентины не имели ничего против комиссара, но он все равно чувствовал, что движется по очень тонкому льду – например, Марион была явно равнодушна к ведьме... то есть дворецкому мистера Лонгсдейла, потому что Джен носила мужское обличье. И хотя Джен не отвечала на скромные знаки внимания от девушки (слава богу!), Натан пока понятия не имел, как выпутаться из этой ситуации. Так что поездка в Илару была очень кстати, чтобы собраться с мыслями и подумать, как быть и с Марион, и вообще с этим внезапным отцовством.

– Вот они, – сказала Валентина.

Бреннон засопел. Редферн и Маргарет сидели в одной из беседок, которые мэрия для удобства гуляк натыкала там и сям вперемешку с клумбами. Пироман что-то рассказывал девушке, указывая тростью то на одно, то на другое здание. А если учесть, что он был ровесником кафедрального собора, то Бреннон даже думать не хотел, что именно Энджел способен поведать ученице.

– Мне кажется, они вполне счастливы, – примирительно заметила Валентина. – По моему, мистер Редферн пытается, хм-м-м... наладить с тобой родственные отношения.

– Отлично пытается, даже не потрудился показаться ее семье.

– Но он же все равно старается!

Симпатия Валентины к этому типу была Натану совершенно непонятна. Поэтому он ничего не ответил и направился к беседке, которую все остальные горожане обходили по дуге.

– О, дядя, добрый день! – приветливо воскликнула Маргарет, взглянула на вивене и неуверенно добавила: – Тетушка?

– Как хочешь, дитя, – отозвалась Валентина. Редферн встал и поклонился ей; комиссар, понятно, никакого приветствия не дождался. Вместо этого пироман уставился на Бреннона, как кот – на кувшин сливок, и заявил:

– Я хочу вас нанять.

Маргарет тяжело вздохнула, и Натан понял, что она уже пыталась привить наставнику представления о приличиях, но безуспешно.

– С чего это вдруг? Я буду занят в ближайшие две недели.

– В ближайшие две недели, – изрек этот тип, не обращая внимания на то, как намекаяще дергает его за рукав Пегги, – вы совершенно свободны. Чем вам, в конце концов, еще заниматься в свадебном путешествии?

– В свадебном, – подчеркнул Бреннон, – путешествии. С моей женой. Неужели вы думаете, что мы не найдем занятия?

Пироман помолчал, переводя взгляд с Валентины на комиссара, и наконец вкрадчиво осведомился:

– Неужели вам даже не интересно, зачем я хочу вас нанять?

– Я обязательно поинтересуюсь, когда мы вернемся из путешествия.

– Но я же вам заплачу! – воскликнул Энджел.

– Слушайте, – после паузы спросил комиссар, – вы вообще понимаете, что значит слово «нет»?

Судя по физиономии пиромана, он считал, что ему-то отказать невозможно, и потому сдаваться не собирался:

– Но что вам мешает меня выслушать, а только потом отказывать?

– В самом деле, Натан, – мягко сказала Валентина, – давай просто послушаем. Вдруг это важно?

Бреннону вспомнились Ройзман, Полина Дефо, Джейсон Мур, и он наконец неохотно буркнул:

– Ну что у вас там?

– В Фаренце исчез консультант, Паоло Уркиола, который должен был надзирать за состоянием провала на Лигенте, – на одном дыхании выдал пироман. Комиссар дернулся, как подстреленный. Черт подери! Таких совпадений не бывает!

– Вы что, следите за ним?

– Именно за этим консультантом – да, поскольку он отвечает за...

– В ночь на шестое октября в Фаренце утопились девять девочек из приюта Санта-Александра, – перебил Бреннон. Энджел вздрогнул всем телом, темные глаза расширились. Маргарет сжала его руку, и они обменялись встревоженными взглядами.

– Энджел, это похоже на ритуал! Вроде жертвоприношения, которое хотел устроить Джейсон Мур, – сказала Пегги.

– Думаю, дело гораздо хуже, – произнес комиссар. – После гибели девочек Уркиола разослал телеграммы коллегам с просьбой как можно скорее прибыть в Фаренцу. Однако никому из них больше не удалось с ним связаться, как будто сразу после этого он исчез.

Редферн встал и, напряженно хмурясь, прошелся по беседке.

– Что настолько напугало консультанта в этих смертях? – спросил у него Бреннон.

– Не знаю. Девять жертв – слишком обычное число, оно используется во множестве ритуалов. Мне нужны детали, какие-нибудь особенности, незамеченные тонкости...

– Ну так и езжайте сами в Фаренцу. Я-то вам зачем?

Пироман остановился посреди беседки и резко бросил:

– Я не могу даже приближаться к Фаренце. Не будьте идиотом! Вы же видели, как провал в Эдмуре притянул Полину Дефо.

– Так этот ваш провал накрыт каким-то куполом, Лонгсдейл говорил, что этот купол Уркиола и караулил.

– Не сравнивайте мышиную нору с расколом от землетрясения! Даже под куполом портал такой мощи притянет меня, как магнит – железную стружку.

– Лонгсдейл уехал в Фаренцу вчера, как раз чтобы разобраться с...

– Именно поэтому, – игнорируя Натана, продолжал Редферн, – вместо меня туда поедете вы. То есть вы двое, раз уж у вас свадебное путешествие.

– Вы глухой? В Фаренцу уже отбыл Лонгсдейл, и уж он-то справится с потусторонней дрянью всяко лучше меня. Мы собираемся уехать...

– Да какая вам разница, где ездить? По Фаренце, занимаясь полезным делом, или по древним руинам, впустую растрачивая время и деньги?

– Вы забываетесь, Редферн. Я не ваш служащий, – холодно напомнил комиссар.

– Натан, – успокаивающе прикоснулась к нему Валентина, – он в целом прав.

– В целом? А в деталях? В деталях он прав? Неужели ты хочешь провести наше путешествие посреди сырого, промозглого, провонявшего тинной города?

– Посреди города, набитого людьми, как бочка сельдью, – тут же уцепился пироман, – рядом с которым находится самый крупный провал на ту сторону на нашем континенте, в городе, где уже пропал консультант. Вас это никак не волнует? – Он выжидательно уставился на Бреннона, словно полагал, что комиссар тотчас выдаст решение проблемы.

Маргарет открыла сумку, которая все это время лежала рядом на скамье, вытащила дюжину увесистых тетрадей в толстом переплете и протянула их комиссару.

– Здесь все собранные Энджелом материалы по провалу на Лигенте. Данные наблюдений за несколько столетий. Дядя, ты можешь просто передать их мистеру Лонгсдейлу, а потом отправиться дальше, на юг Илары. Вы же туда собираетесь?

– Угу, – буркнул Натан, почти против воли взял одну из тетрадей, открыл и взглянул на дату: «Ориентировочно 13 января 1631 года».

– Ориентировочно?

– Я не совсем уверен, до открытия портала я... со мной произошел ряд других событий. – Редферн угрюмо замолчал, всем своим видом показывая: «А каких именно – не ваше дело».

– Хорошо, – буркнул Бреннон, – я отдам Лонгсдейлу ваши тетради. А потом уже сами общайтесь с ним насчет пропавших консультантов и чертовых ритуалов.

«Духоподъемное чтиво», – кисло подумал Натан, когда дочитал третью тетрадь к вечеру воскресенья. Самое то перед началом рабочей недели. Так и лезут мысли о тщете всего сущего... Одна из них особенно не давала Бреннону покоя.

– Редферн изобрел и установил купол вокруг острова в тысяча шестьсот девяносто втором году, – сказал комиссар. – Но что сдерживало провал шестьдесят один год до этого? Пироман полагает, что именно твои сородичи не дали ему развернуться на полную мощь.

– Возможно, – отозвалась Валентина. Она сидела перед своим туалетным столиком, готовая связаться с Лонгсдейлом через зеркало. Консультант оставил им свой адрес, но комиссар был не уверен, что они застанут Лонгсдейла дома.

– Но зачем им это делать? Разве это не опасно – даже для таких, как ты?

– Это очень истощает, – вздохнула вивене. – Однако если на Лиганте открылся настолько глубокий провал на ту сторону, мои братья и сестры просто не могли оставить все как есть.

– Почему?

– Мы плоть от плоти этого мира. Провал, разрушающий его, разрушает и нас.

– Но это никого из них не убило? – встревожился Натан. – Рядом с этой штукой с тобой не случится ничего плохого?

– Нас нельзя убить. Не беспокойся, раз провал изолирован, то ни мне, ни тебе он ничем не грозит.

– Понятия не имею, чего пироман от меня хочет, – со вздохом признался Натан. – Я в магии не смыслю ни уха ни рыла и могу успешно выступать только в роли приманки для нежити. Ладно, попробуй все-таки связаться с Лонгсдейлом. Разберемся с этим делом поскорее.

Валентина сосредоточенно посмотрела на зеркало, которое тут же стало мутнеть, словно наполнялось туманом. Вивене делала это без всяких заклинаний, так же непринужденно, как заваривала чай. Наконец в ее зеркале отразилась спальня джентльмена – а сам джентльмен обнаружился на кровати, по уши зарывшийся в газеты, книги и свитки. Валентина уступила мужу место, и Натан громко кашлянул. Лонгсдейл вскочил с кровати, схватил револьвер, выдернул из ножен на поясе трехгранный клинок – и только потом несколько смущенно пробормотал:

– О, это вы! Добрый вечер. Простите, я совершенно забыл написать вам, хотя обещал...

– Ничего страшного. – Бреннон окинул оценивающим взглядом кучу книг и стога свитков на постели. – Вы, я вижу, в работе по самую маковку.

– Да.

– Уже нашли что-нибудь?

Лонгсдейл сокрушенно покачал головой:

– Пока нет. Дом Паоло Уркиолы был пуст, когда мы прибыли. Но не похоже, чтобы он куда-то уехал: все вещи на своих местах, никаких следов поспешных сборов. По-моему, он вообще не собирался покидать жилище надолго. Когда мы осматривали комнаты, то в кухне

нашли полную кастрюлю свежего супа и приготовленную к запеканию баранью ногу. В кабинете и библиотеке синьор Уркиола работал совсем недавно, даже не успел убрать книги на место.

Это Натану не понравилось. Слишком все смахивало на похищение – например, на хорошо продуманную засаду, в которую консультант угодил, когда ненадолго вышел из дома. Как мисс Эттингер.

– А его зверь? Ну, животное, которое сопровождает, – оно куда делось?

– Никого, – повторил Лонгсдейл. – В доме никого нет.

– Думаете, это кто-то вроде Ройзмана?

– Не могу сказать. Но даже если Уркиолу похитили – то явно не из дома. К тому же мое положение несколько осложнилось, – помолчав, добавил Лонгсдейл. – Девять погибших девочек обратились в нежить. Вчера они стали нападать на бездомных детей. Я смог отбить одну девочку, но остальные жертвы...

– Как это – обратились? – спросил Натан; на сердце потяжелело. Он услышал, как беспокойно шевельнулась в кресле Валентина. – Сами по себе, что ли? Или их кто-то превратил?

– Пока выясняем. Джен работает над образцами их плоти в лаборатории.

– Сколько всего жертв?

– Считая вчерашних – двенадцать. И хотя из девяти обращенных трех мы убили – не факт, что новые погибшие тоже не обратятся.

– Но все же к чему вы больше склоняетесь?

Лонгсдейл долго молчал, прежде чем ответить.

– Мне все же кажется, что мы имеем дело с умыслом. Жертвоприношения всегда были основным источником сил для чернокнижников. Но почему вы спрашиваете? – удивился консультант, покосившись на Валентину. – Я думал, вы собрались в путешествие...

– Так и есть. Но вчера на меня, как черт из табакерки, выпрыгнул Редферн. Он, оказывается, тоже засек исчезновение Уркиолы и требовал, чтобы я выяснил, куда делся этот консультант и почему.

Изумление, отразившееся на лице Лонгсдейла, так быстро сменилось надеждой, что Натан мигом пожалел о сказанном.

– А вы можете? – спросил консультант.

– У меня нет никаких прав вести полицейскую деятельность в Фаренце. Да и как я буду допрашивать свидетелей и подозреваемых? На языке жестов?

– Ну, с этой проблемой разобраться нетрудно. Хотя, конечно, нет, – вздохнул Лонгсдейл. – Разумеется, я не стану просить вас ни о чем подобном. Только не в ваш заслуженный отпуск. Надеюсь, вы отлично проведете время. Юг Илары прекрасен в это время года.

– Спасибо. Но Редферн попросил меня кое-что вам передать. – Натан поднял несколько тетрадей, чтобы Лонгсдейл их увидел. – У меня тут дюжина дневников его наблюдений за провалом на Лиганте, начиная с того дня, когда он возник.

Консультант уставился на тетради с такой жадностью, словно хотел выдернуть их из рук Бреннона прямо через зеркало.

– О, это было бы просто прекрасно! У синьора Уркиолы имеются свои записи, но эти просто бесценны!

– Я успел прочесть только первые три тетради, но уверен, что остальные ничуть не хуже. Много, во всяком случае, становится ясным. Мы бы... – Натан обернулся к жене. – Мы бы могли заглянуть к вам завтра?

– Да, конечно, – отозвалась Валентина. – Это совсем нетрудно.

– Конечно! – с жаром согласился Лонгсдейл, не спуская алчущего взора с тетрадей. – Я буду ждать вас. Мне необходимы любые сведения, тем более что здесь нет сотрудничества с полицией и вообще полиция в Иларе совершенно не способна к такой работе, как ваша!

– А с кем же вы там сотрудничаете? – удивленно спросил Бреннон.

– С церковью.

– Господи, – после паузы сказал комиссар, охваченный отнюдь не богобоязненными чувствами. С церковными крысами, это надо же! Неудивительно, что расследование едва продвигается. – Они хотя бы впустили вас в приют, чтобы вы осмотрели комнаты пострадавших?

– О, ну... я работаю над этим. Завтра после обеда мне назначил аудиенцию его преосвященство, глава местной инквизиции.

– Что за дремучее средневековье, – горестно пробормотал Натан под смехок Валентины. – Тогда мы приедем к вам часов в двенадцать. Подойдет?

– Да, конечно. Я распоряжусь, чтобы Джен приготовила вам комнату. Возможно, – еле слышной просительной ноткой добавил Лонгсдейл, – вы решите осмотреть тут некоторые достопримечательности и задержитесь на пару дней?

– Маловероятно, – твердо отрезал Бреннон. – До скорой встречи.

Он встал с пуфика и потер поясницу. Как женщины вообще балансируют на этой жердочке? Валентина коснулась зеркала, и изображение растаяло.

– Извини, – покаянно произнес Натан. – Я не собираюсь там задерживаться и тем более работать на пиромана. Мы заглянем всего на несколько часов. Тебя это не утомит? Такие быстрые, гхм... перемещения?

– Нет, ничуть, – ответила вивене и лукаво добавила: – Впрочем, я вовсе не расстроюсь, если ты потратишь на визит чуть больше нескольких часов.

10 октября

Бреннон вышел из зеркала посреди небольшой темной гостиной, поставил на пол два чемодана и подал руку жене. Валентина с любопытством огляделась – она была в доме Лонгсдейла всего два раза, и логово консультантов явно вызывало у нее интерес. В гостиной их встретила Джен – одна.

– Добрый день. Лонгсдейл рассылает сообщения другим консультантам и малость увлекся, – проговорила ведьма, покосилась на Бреннона и неуверенно улыбнулась. Их отношения сильно охладели после того, как она спалила шестьдесят с лишним горожан. Девушка явно старалась изгладить из памяти Натана этот поступок – вряд ли она могла понять, почему он не в силах так просто это забыть. Она же не человек.

– Я отнесу вашу вещи в комнату, сэр.

– Не стоит, – торопливо сказал Бреннон. – Мы только передадим Лонгсдейлу тетради и сразу отправимся на юг.

– Но я бы не отказалась выпить чашечку чая, – добавила Валентина. – В конце концов, уйти так быстро будет невежливо.

– Э... да, пожалуй, – согласился Натан, почему-то с облегчением. Ему хотелось обсудить с Лонгсдейлом ход дела – ведь консультант был тут один, и ему приходилось буквально разрываться на части. – Что с опознанием? Лонгсдейл сказал, ты занимаешься останками в лаборатории.

– Да. Уже практически закончила. Мы собрали образцы трех особей. Таких тут называют мараббекки – это водяная нежить, которая кормится тем, что утаскивает под воду людей.

– А воды тут как раз хоть залейся, – задумчиво заметил комиссар, глядя в окно. Вместо мостовой внизу плескался канал.

– Мараббекки? – нахмурилась Валентина. – Но они не охотятся стаей и впадают в спячку осенью. Они почти не выносят холода, а потому не активны до середины весны.

– То есть сейчас не сезон?

– Да, сэр. А кроме странного поведения я обнаружила почти стертый отпечаток заклятия, – добавила ведьма и мрачно буркнула: – Чертова текучая вода всюду! Она стирает следы магии почище, чем огонь!

– Значит, думаешь, девочки не сами по себе превратились в этих барабек?

– Мараббекки. Нет, им помогли. Уверена, что из окон выпасть – тоже.

– А как вообще человек может превратиться в нежить сам по себе? – невольно заинтересовался Натан. – Ну, с утбурдом дело было понятное, но здесь-то отчего?

– Чаще всего причина в проклятии или гибели в дурном месте, – ответила Валентина. – Нечисть с той стороны тоже может обращать людей. Или, – она коснулась пальцем стекла, – воздействие провала.

Бреннон взглянул, куда она указывала, – далеко в заливе, почти скрытый дымкой, виднелся крохотный островок.

– Но провал же под куполом? Редферн утверждал, что защита цела и невредима.

– Да, это верно, – согласилась вивене. – Иначе я бы сразу почувствовала. Но тем не менее вокруг провалов на ту сторону всегда появляется нежить.

– Ну, тут дело точно не в этом, – заявила Джен. – Девчонок превратили в нежить намеренно, вот только они так долго бултыхались в текучей воде, что я уже ни за что не определю, кто и как именно. Сэр, а вы... – Она коснулась руки комиссара, и он невольно вздрогнул. Девушка, потупившись, отступила. – Простите, – подавленно сказала она. – Вы никогда не забудете, да?

Бреннону не очень хотелось это обсуждать – тем более, он сомневался, что ведьма сможет понять.

– Джен, представь, что кто-то убьет шестьдесят твоих сородичей. Я знаю, ты это сделала не потому, что желала им зла. Но они были всего лишь жертвами проклятия. Их нельзя убивать.

– Я не могла остановиться, – прошептала Джен. – Инициацию нельзя остановить, раз она началась. Она просто происходит, и все. Я бы... я бы даже вас могла убить и не заметила бы...

Валентина обняла ее за плечи, и ведьма окончательно поникла. Но, к счастью, в коридоре послышались шаги, и появление консультанта наконец прервало этот неуместный и неприятный разговор. Пес при виде комиссара активно замахал хвостом.

– Привет, Клык, – сказал Бреннон. Собака возмущенно засопела. Но, в конце концов, должна же у нее быть кличка!

– О, вот и вы! – обрадовался Лонгсдейл. – Прошу простить, я задержался, обсуждая ситуацию с коллегами.

– Пожалуй, – сказала Валентина, – я поднимусь в нашу комнату. Джен меня проводит и возьмет вещи.

– Погодите. – Бреннон открыл чемодан и достал сумку с тетрадами. – Вот, прошу. Наблюдения Редферна.

Глаза Лонгсдейла нетерпеливо вспыхнули, и он выхватил сумку из рук комиссара, словно там было его давно потерянное дитя.

– Они и правда ведутся с тысяча шестьсот тридцать первого года? Это ценнейшие сведения, записи Уркиолы начинаются на шестьдесят лет позже. – Консультант мигом распаковал добычу и, маниакально блестя глазами, зарылся в первую тетрадь. Пес шумно обнюхивал остальные. Джен взяла чемоданы и вопросительно посмотрела на Бреннона. Конечно, на этом месте им всем следовало распрощаться, но... но Валентина уже выскользнула из гостиной и поднималась по лестнице, а Натан не мог просто так уехать, не расспросив Лонгсдейла. Это просто невежливо, черт возьми! Комиссар кивнул ведьме, и она щелкнула пальцами. Чемоданы исчезли.

– Джен сказала, вы подозреваете вмешательство чернокнижника вроде Джейсона Мура или Ройзмана?

– А? Да, да, конечно, – рассеянно ответил Лонгсдейл. Не выпуская из рук драгоценную тетрадь, он опустился в кресло у камина.

– Вам надо бы осмотреть место происшествия в приюте. С кем работал Уркиола? Этот человек способен помочь?

– Кардинал Джироламо Саварелли, глава местной инквизиции, – пробормотал Лонгсдейл, и комиссар едва не поперхнулся:

– С кем?! Вы что, шутите?

– Тут так принято, сэр, – почти извиняющимся тоном сказала ведьма. – Местная полиция – стадо тупорылых баранов. Гребут взятки, на остальное кладут хрен. Даже при помощи гипноза я не выбила из них ничего полезного.

Бреннон засопел. Впрочем, он еще в прошлый визит отметил вопиющую неэффективность местной полиции. Клык фыркнул и улегся перед камином.

– Мы идем к этому типу сегодня, – напомнила Джен скорее Лонгсдейлу, чем комиссару. – Через пару часов! – Она пнула ножку кресла. Консультант слабо замычал, увлеченно изучая какую-то схему. – Сэр, может, вы сходите вместе с ним? Я не слишком-то хочу отираться около церковников. А его, как видите, нельзя без присмотра оставлять.

– И что я буду там делать? Я-то на местном могу только мычать.

– Нашли проблему! – фыркнула Джен. Она выдвинула ящик секретера в углу и, порывшись внутри, бросила в руки Натану футляр. В нем лежала булавка в виде цветка с аметистовой головкой и берилловым листиком: – Приколите к лацкану. Аметист переводит иларский для вас, берилл – ваших слова для иларцев.

– Хорошо, – сдался Бреннон. Валентина как будто хотела немного отдохнуть, так что если он проведет час-другой, сопровождая Лонгсдейла, то время не потеряет. – Схожу на инквизиторский прием. Будем надеяться, что церковные крысы не пошлют нас в пешее путешествие к... папскому престолу.

– О, – безмятежно отозвался Лонгсдейл, выныривая из тетради, – вас ждут приятное знакомство и плодотворное сотрудничество, я уверен.

Кардинальский дворец казался черной прорезью в синем небе. Вид у здания был до того злобещий, словно инквизиторы заранее намекали посетителю на боль и страдания. Правда, впечатление изрядно портили плесень, покосившиеся ставни, мутные окна, ржавые водостоки и крошащийся из кладки раствор. Лонгсдейл причалил гондолу к крытой галерее перед входом и, пока пес осторожно перетекал из жалкой площадки на твердую почву, предупредил:

– Кардиналу по роду его деятельности известно многое, но лучше не вдаваться в некоторые подробности. Особенно насчет нас.

– Это ж откуда кардиналу такое знать?

– Неужели, по-вашему, церкви ничего не известно о той стороне? Иерархи церкви знают о нежити и нечисти, тем более что многие прихожане ищут защиту от сил зла именно в храме.

– Так инквизиция обо всем знает?! – недоверчиво ахнул Бреннон. – Тогда почему ж не делает ни хрена?!

– Понятия не имею, – вздохнул Лонгсдейл. – Церковь для меня – загадочная организация.

Они ступили под своды дворца и направились к конторке клерка. Едва взглянув на джентльмена с собакой, молодой человек жестом велел следовать за ним и стал подниматься по лестнице.

– Без доклада, значит, шастаете к идейному врагу, а?

– Почему к врагу?

– А что еще вы собой представляете с их точки зрения? Наверняка какую-то сатанинскую тварь с сатанинским псом, которая вершит всякие сатанинские дела. Пфыр! Да наш епископ даже ко мне относится так же!

– Синьор Саварелли – человек более просвещенный, – с улыбкой ответил Лонгсдейл. Клерк впустил их в просторный кабинет, и Натан завистливо вздохнул: кардинал скромно расположился на площади чуть меньшей, чем целый этаж в департаменте.

– А, синьор Лонгсдейл, – донеслось издали: его преосвященство сидел перед столом в кресле, похожем на трон, и пристально наблюдал за приближением посетителей. – Синьор Уркиола упоминал вас... в числе прочих.

Когда они наконец добрались до стола, кардинал поднялся навстречу. На вид Бреннон дал ему лет пятьдесят пять – пятьдесят семь. Саварелли был высок, крепко сложен, очень смугл. Под сутаной угадывались мощные плечи и солидный живот. Сам кардинал напомнил Натану сову – круглая голова, круглые зеленоватые глаза навывкате, круглая шапочка среди курчавых черных волос и большой крючковатый нос.

Саварелли протянул руку с кольцом, Бреннон сделал вид, что намека не понял, и крепко ее пожал. Кардинал чуть слышно хмыкнул и грузно опустился в кресло, не предложив руки консультанту, зато пристально оглядев его пса.

– А где ваше животное? – спросил он комиссара.

– Я не консультант.

Куститые брови его преосвященства полезли на лоб:

– Нет? А что же вы тогда тут делаете? Кто вы такой?

– Это комиссар риадской полиции, Натан Бреннон, – мягко сказал Лонгсдейл. – Мы работаем вместе в Риаде, и комиссар великодушно согласился оказать мне некоторую помощь в этом деле.

Кардинал пробуравил Бреннона подозрительным взглядом и с явной неохотой указал им на кресла. Натан сел; Лонгсдейл остался стоять. Пес невозмутимо свернулся в клубок между ними и со скучающим видом закрыл глаза.

– Разве вы, консультанты, не работаете в одиночку?

– Не всегда. К тому же мистер Бреннон исключительно профессионален во всем, что касается дознания среди людей.

Комиссар смущенно кашлянул. К тому же он впервые узнал, что, оказывается, намерен оказать Лонгсдейлу какую-то помощь.

– Зачем он вам нужен? Синьор Уркиола справлялся и сам, а вам нужно целых два помощника?

– Синьор Уркиола бесследно исчез, – хмыкнул Бреннон, решив, что раз уж он должен помогать, то пора приступить к делу. – Что подсказывает нам, насколько успешно он справился с этой проблемой без помощников.

Они встретились взглядами; против ожидания, взгляд кардинала был совсем не таким тупым, как у епископа Уитби и прочих церковников. Саварелли смотрел на комиссара раздраженно, но при этом – оценивающе и даже выжидательно, словно действительно ждал какой-то помощи. Пес, учуяв конфликт, с любопытством приоткрыл глаза.

– Мы установили, – проговорил консультант, – что девочки превратились в нежить не сами по себе, а из-за заклятия. Увы, его отпечаток слишком слаб и размыт текучей водой.

– Заклятия? – резко спросил Саварелли. – Значит, это дело рук человеческих?

– Да. Нежить уже стала охотиться. В воскресенье они напали на четырех детей, одного мне удалось отбить. Трех обращенных девочек мы упокоили, но нам неизвестно, не обратятся ли новые жертвы.

– Однако главная сложность заключается не в этом, – снова вмешался Бреннон, – а в том, что мы с такими действиями уже сталкивались, как и с похищением консультанта. – И он

коротко рассказал Саварелли о Ройзмане, его нежити и уничтоженном логове чародея. Комиссар постарался опустить подробности и говорить попроще, чтобы даже до этого святоши с первого раза дошло, в чем суть проблемы.

– Однако, – задумчиво изрек его преосвященство, когда Натан закончил. К удивлению комиссара, в глазах церковника все-таки светился разум, а следующая фраза и вовсе поразила Бреннона до глубины души: – Ни один из моих предшественников, работавших с синьором Уркиолой, не сталкивался ни с чем подобным. Мы даже и предположить не могли, что консультанты, гм... уязвимы.

– Ваших предшественников?! – воскликнул Бреннон. Кардинал издал короткий смешок:

– А вы полагали, что церковь пребывает в блаженном неведении? Святой престол запрещает нам использовать богомерзкую магию, но наблюдать нам разрешено. Конечно, в тысяча шестьсот девяносто первом глава инквизиции в Фаренце был изрядно шокирован и очень красочно описал встречу с синьором Уркиолой. Но с тех пор прошло больше ста семидесяти лет, и я впервые слышу о том, что кто-то способен охотиться на консультанта и тем более поймать его.

Комиссар сглотнул. Он как-то даже не задумывался о таких масштабах. По сравнению с ними его работа с Лонгсдейлом – это просто песчинка в песочных часах.

– Вот почему, – сказал консультант, – мне нужна помощь. Девочки обратились в мараббекк, сейчас их осталось шесть, но если они продолжают охотиться в разных частях города – а они продолжают...

– Не может же мистер Лонгсдейл разорваться, – перебил комиссар. – В прошлый раз все тоже началось с набегов нежити. Если за этим стоит человек вроде Ройзмана, его нужно обезвредить как можно скорее. У вас есть связи в полиции?

Саварелли сокрушенно покачал головой:

– С этим у нас трудно. Наша полиция, мягко выражаясь, не блещет энтузиазмом, и потому у нас нет полной криминальной сводки, а значит, нет и точного числа жертв. Может, этот человек орудует тут уже несколько месяцев, охотясь на бездомных.

– Тоже верно, – кисло заметил комиссар. Проклятие! Неужели местные настолько бесполезны? А он-то надеялся... – В любом случае, нам нужно осмотреть место преступления – то есть комнаты девочек в приюте – и допросить персонал, а также воспитанниц. Заодно и обыскать все здание, осмотреть прилегающую территорию, допросить местных жителей, бездомных, нищих...

– А вы, я смотрю, привыкли лихо браться за дело, – заметил кардинал с каким-то странным веселым одобрением. – Это у вас в Риате так принято?

– В полиции – да, – сухо сказал комиссар. – Но как мне намекнул мистер Лонгсдейл, без вашей санкции в приют не попасть. Собственно, за ней мы и пришли.

Консультант смущенно закашлялся. Пес фыркнул.

– Ну что ж, – заключил его преосвященство, поднимаясь из-за стола, как кит из морских волн, – раз вы так настаиваете, то, пожалуй, я не только позволю вам нарушить покой приюта, но даже сам буду при этом присутствовать.

Снаружи приют оказался похож на тюрьму. Разве что решеток на окнах не хватало. Консультант, Бреннон и кардинал со своим сопровождением подплывали к узкой полоске мостовой на двух лодках – в одной под плотным навесом с комфортом расположился Саварелли, в другой мокли под редким дождем консультант, пес и комиссар.

– Глухое местечко, – тихо заметил Натан. – Проводить ритуалы можно хоть еженедельно – за такими стенами никто ничего не услышит и не увидит.

– Полагаете, что наш злоумышленник – из числа работников приюта?

– Или может входить сюда, не вызывая никаких подозрений. Например, плотник, каменщик, врач – или священник.

– Почему вы их так не любите? – полюбопытствовал Лонгсдейл. Бреннон решил не объяснять, почему он считает священников в массе своей бесполезными фанатичными баранами – тем более что лодка Саварелли вплотную подошла к гондоле консультанта. Комиссар тут же сурово спросил:

– Где все?

– Какие все? – удивился кардинал.

– Где оцепление, дежурные полицейские, работающие на месте преступления офицеры или детективы?

– А. Ну, как бы вам сказать... – Саварелли тяжело вздохнул. – Полицейские посетили приют утром, констатировали смерть девяти воспитанниц, составили протокол и отбыли восвояси. Оцепление не выставили, поскольку, как я понял, они не нашли следов убийства.

Бреннон несколько секунд молчал, переваривая услышанное. Он многое хотел сказать, но ограничился кратким:

– Даже дежурных около места убийства не оставили?

– Мужчин в приюте для девочек при женском монастыре? Разумеется, нет, – с горестной усмешкой отозвался кардинал.

Лодки причалили. Пес первым выбрался на берег и потрусил к высокой серой ограде, окружавшей здание приюта. Небольшие окна на одной из стен смотрели на канал; Бреннон сразу нашел те, из которых выбросились девочки, – на них не было ни рам, ни ставней, а проемы уже забили досками. Саварелли ударил в колокол у наглухо запертых ворот. В оконце мелькнуло лицо привратницы.

– Открывайте, – величаво повелел князь церкви. Женщина испуганно пискнула, тут же заскрипели засовы и замки, а затем в воротах распахнулась узкая калиточка, в которую кардинал протиснулся боком, кое-как втянув живот.

Пока Саварелли растолковывал привратнице, зачем и к кому им надо попасть, Бреннон осмотрел внутренний дворик – небольшой и квадратный, сущий каменный мешок, со скамьями вокруг чахлого фонтанчика. С трех сторон его обнимала крытая галерея, соединяющая сам приют, здание монастыря и церковь. Пес принялся, потыкался носом в каменные плиты и разочарованно заворчал.

– Ничего?

– По крайней мере, во дворике никаких следов магии нет, – пробормотал Лонгсдейл, втихоря вода в воздухе каким-то амулетом. – Нечисти и нежити тоже.

– Пойдемте, – сказал Саварелли, – нас проводят к настоятельнице, которая руководит приютом.

Мать Агнесса выглядела точно ожившая мумия – худая, как палка, сморщенная и с глубоко посаженными бесцветными глазками, которыми она враждебно уставилась на Бреннона, Лонгсдейла и пса из недр своего клобука. На вид женщине можно было дать от сорока до шестидесяти.

– Наш приют заботится о сиротках во имя Господа уже пятьдесят лет, – прошипело это божье создание и мелко перекрестилось. – Мы смиренно вынесем и это ужасное испытание...

– Да, – холодно изрек кардинал. – Однако смерть сразу девяти девочек требует самого пристального рассмотрения и дознания насчет их жизни и условий в приюте.

– У нас есть благословение папы!

– Мы помним. И настоятельно рекомендуем вам предоставить нашим консультантам все, что им потребуется.

– Этим людям? – осведомилась мать Агнесса таким тоном, будто перед ней валялись запойные пьяницы, только что выловленные из канавы. Клык удостоился отдельного негодующего взора. Пес оскалился и развалился на ковре перед камином. – Но ваше высокопреосвященство, нравственность наших воспитанниц...

– Никак не пострадает, если они и дальше будут прыгать из окон? – наконец вмешался комиссар. Время, черт возьми, не ждет! Они с Валентиной должны уехать сегодня вечером... ну, завтра утром – самое позднее.

– Я бы хотел осмотреть комнаты девочек, – кротко сказал Лонгсдейл. Мать Агнесса сжала четки, словно хотела огреть ими по физиономии это порождение сатаны.

– Живее! – цыкнул Саварелли. Настоятельница с кислой миной склонила голову и позволила в колокольчик. Явившейся на звон монахиня она велела проводить консультанта в комнаты воспитанниц – и с видимым облегчением перевела дух, когда пес ушел следом за Лонгсдейлом.

– Ну, что ж, начнем. – Бреннон сел за стол и раскрыл блокнот. Кардинал с любопытством следил за всеми его действиями. – Опишите последовательно все события того дня, начиная с утра.

Мать Агнесса пробурала комиссара таким взглядом, которому позавидовал бы враг рода людского, но после требовательного жеста Саварелли неохотно приступила к рассказу. По ее словам, жизнь в приюте текла своим чередом ровно до полуночи, когда при обходе дежурная монахиня обнаружила, что девять девочек исчезли, а окна в их комнатах выбиты.

– А еще были какие-нибудь эксцессы? До этой ночи? Странное поведение, подозрительные разговоры, непонятные явления, может, кто-то пронес сюда необычные предметы?

– Вы намекаете, что диавол проник в стены, осененные благословением Иннокентия Восьмого?! – восшипела монахиня.

– А как благословение может этому помешать?

Кардинал кашлянул. Мать Агнесса залилась бледной краской.

– Где вы были в ту ночь и кто может это подтвердить? – спросил Бреннон.

– Я была в своей келье и молилась! – негодуя воскликнула монахиня.

– На какую сторону выходят окна вашей кельи?

– Я не понимаю, почему я должна подвергаться столь возмутительному допросу, когда такое несчастье...

– Отвечайте, – веско проронил Саварелли.

– На Большой канал.

– Ага, и при этом вы бодрствовали. Что слышали?

– Ничего! Я была погружена в молитвы Господу нашему...

– То есть когда несколько окон выпало в канал вместе с рамами и ставнями, а затем туда же отправилось девять тел – вы ничего не слышали, оглушенная силой истинной веры?

Мать Агнесса так крепко сжала губы, что кожа на остром подбородке и скулах туго натянулась.

– Я слышала плеск и звук падения, – сказала она наконец. – Тогда я вышла из кельи и была среди воспитанниц и монахинь, что могут подтвердить они все.

– Гм. Ранее вы утверждали, что тревогу подняла дежурная монахиня.

– Мне кажется, даже вы можете догадаться, что это произошло одновременно, – процедила мать Агнесса. – Я вышла из кельи и спустилась к комнатам воспитанниц, где встретила сестру Бенедику. Это произошло около полуночи, и, разумеется, после никто уже не смог уснуть.

– Когда вы вызывали полицию?

– Около шести часов утра.

– Почему так поздно?

– Потому что мы молились! – в ярости рывкнуло тощее создание, и Натан удивленно поднял брови.

– Что, не меньше пяти-шести часов? Допустим, час на то, чтобы уговорить панику, я согласен, но потом-то?

Кардинал снова покашлял, намекая на пресловутую силу веры.

– Я оказывала моим монахиням и воспитанницам духовную поддержку, – прошипела мать Агнесса.

– Шесть часов? Пока трупы ваших девочек плавали у вас под окнами?

– Они не плавали!

– А куда ж они делись?

Настоятельница замолчала и после долгой паузы буркнула:

– Их унесло течением.

– В вашей... – Натан чуть не сказал «вонючей канаве», – вашем канале такое сильное течение, что сносит девять тел за несколько минут?

– Я не смотрела вниз.

– То есть вы увидели пустые постели, выбитые окна, но вниз не посмотрели? Ладно, а дежурная монахиня сестра Бенедика догадалась это сделать?

– Она тоже ничего не видела.

– Гм-м-м? Что ж, полагаю, об этом она и сама нам расскажет. – Бреннон захлопнул блокнот и встал. – Мне потребуется комната, где я смогу допросить всех монахинь и воспитанниц.

– Ни за что! – взвилась мать Агнесса. – Это совершенно недопустимо в стенах нашей обители! Даже полицейские проявили больше уважения к дому Божьему и нашим чадам!

– При допросах буду присутствовать я, – властно изрек кардинал и пристально посмотрел на настоятельницу: – Вы ведь не считаете, что общение со мной нанесет духовный вред воспитанницам и монахиням?

После короткой внутренней борьбы мать Агнесса сдалась и сквозь зубы сказала:

– Я распоряжусь насчет комнаты.

– Вы напрасно настроили мать Агнессу против себя, – вполголоса заметил Саварелли, когда они спускались к комнатам погибших девочек. Настоятельница выделила им помещение на том же этаже, и Натан решил заодно посмотреть, как дела у Лонгсдейла.

– Завоевать ее любовь и симпатию мне бы все равно не удалось. К тому же ее поведение еще ничего не значит. Уйма людей, совершенно ни в чем не виновных, относится к полиции крайне неприязненно. Тем более что для нее я и полицейским-то не являюсь.

Кардинал нахмурился:

– Вам не кажется, что в ее показаниях что-то не сходится?

– Конечно, – хмыкнул комиссар. – Уверен, что она высунулась из окна и прекрасно разглядела трупы... или их отсутствие. Или присутствие нежити. А это вполне могло напугать ее настолько сильно, что теперь она не хочет об этом говорить.

– Или она сама к этому причастна.

– Тоже вариант, – согласился Бреннон и с некоторым удивлением оглядел дверные проемы, закрытые ширмами. – Что это такое?

– Двери полностью сгнили, – донесся до него голос Лонгсдейла, – как и все предметы внутри.

Натан отодвинул ширму и вошел. Пятна плесени на стенах и потолке, прогнившие потолочные балки, остатки кроватей, матрасов и постельного белья... Лонгсдейл уже снял доски с окон, и Бреннон перегнулся через подоконник. Под ним до самой воды тянулась длинная широкая полоса чего-то вроде морской губки. Но комиссар сразу понял и еще кое-что. Когда в комнату заглянула монахиня, он резко повернулся к ней и сердито гавкнул:

– Кто посмел убраться в комнатах?!

Женщина отшатнулась:

– Чт-т-то? Здесь? Мать Агнесса велела... помыть пол и всякое... постели сложить, ну что осталось...

– До или после приезда полиции?

– До...

Лонгсдейл, который стоя на коленях, что-то изучал под окном, поднял голову и сказал:

– Тогда это многое объясняет.

– Еще как, – процедил Бреннон. Неудивительно, что полицейские не нашли никаких следов убийства. Намеренно или нет, но настоятельница постаралась уничтожить все улики.

– Будете снова ее допрашивать? – с интересом осведомился кардинал.

– Да, но позже. Пусть пока помаринуется. Где вещи девочек? – повернулся он к монахине.

– У наших воспитанниц нет вещей, – прошелестела та. – Только одежда и обувь. Мать Агнесса велела сжечь.

– Почему?

– Она сказала, на них скверна. Ведь если они самоубийцы, то... то... – Женщина запнулась.

– Часто у вас тут сразу девятéro девочек решают, что лучше самоубиться, чем так жить? Монахиня затравленно на него посмотрела.

– Чьи это кровати?

– Магдалы и Каталины, – прошептала она.

– Вы что-нибудь слышали? – спросил Лонгсдейл, поднимаясь с колен. Женщина испуганно уставилась круглыми глупыми глазами на его пса, потом на него. Кардинал шепотом пояснил, что сестра Бенедика, выросшая в приюте, умственно не слишком развита.

– Это ты присматривала за ними в ту ночь? – уже помягче спросил комиссар. – Твоя была смена?

Женщина сперва кивнула, а потом отрицательно замотала головой:

– Нет, я поменялась. С сестрой Анной. Она должна была, но попросила поменяться, потому что... – Она наморщила лоб. – Не помню почему. Я согласилась. Мать Агнесса не запретила.

– А обычно запрещает? Обычно вам можно меняться?

– Ну, иногда.

Кардинал недоумевающе перевел взгляд с монахини на комиссара. А вот на морде Клыка появилось очень понимающее выражение, как и на лице Лонгсдейла.

– Вы видели что-то странное той ночью? – спросил консультант. Сестра Бенедика облизнула подрагивающие губы и перекрестилась. – Может, не видели, но слышали?

– Вода, – еле слышно пробормотала монахиня. – Я слышала – капает и течет. Тихо-тихо, но громко-громко. Почти как музыка.

– Ты сказала матери Агнессе? Позвала кого-нибудь?

– Нет, – помотала она головой. – Они мне не поверят. Но она капала! Тихо тут, – сестра Бенедика обвела рукой комнату, – но громко тут, – и постучала пальцем по лбу. – Я слышала и потому открыла дверь пораньше. Я думала, она тут течет, а она не текла. И их не было. – Монахиня кивнула на кровати.

– Ясно, – заключил Натан. – Пойдем-ка с нами. Кардинал тебе ничего худого не сделает. Вы еще будете здесь работать? – обратился он к Лонгсдейлу.

– Да. Это только первая комната, а впереди еще три. И я еще намерен осмотреть спальни этажом выше и этажом ниже.

– Хорошо. Тогда встретимся у лодок. Чую, мы тут засядем до вечера, – вздохнул комиссар.

Бреннон устало глядел на маслянистые, мутные воды канала и гадал, насколько сильно обижена Валентина. Он ушел с Лонгсдейлом утром и пропал до глубокого вечера. О чем ей думать, как не о том, что даже в свадебном путешествии муж не в силах сосредоточиться только на своей жене?

Натан раскаивался, но ничего не мог поделать: допросы персонала и воспитанниц приюта затянулись на долгие часы. К счастью, кардинал довольно быстро ухватил, в чем суть, и активно, даже с радостью приступил к работе. Затем к ним присоединился закончивший с осмотром комнат Лонгсдейл. Комиссар дал себе слово, что утром он увезет Валентину на юг – как только обсудит с консультантом результаты осмотра.

Колокол на большом красивом соборе пробил одиннадцать раз. Бреннон вдохнул сырой воздух. Пока они торчали в приюте, погода в городе улучшилась, дождь кончился, и вечер был приятно прохладным. В чистом темно-синем небе мерцали звезды и плыл узкий серп луны. Даже не верилось, что в тихих каналах плещется нежить.

– А где вы хороните мертвых? – спросил кардинала Натан, когда их лодки поравнялись.

– На берегу Илары есть несколько кладбищ. Земля на островах Фаренцы слишком дорога и ее не так много, чтобы тратить на погребения.

– Вот поэтому, – вздохнул Лонгсдейл, – наш чародей вынужден делать нежить из жителей города. Это очень усложняет мою задачу. На текучей воде не остается следов.

Бреннон только хмыкнул над такой наивностью:

– Этот чародей что-то ест, где-то живет и как-то перемещается по городу. Человек всегда оставляет следы. Утром, на свежую голову, я поработаю с записями допросов. Что-то непременно всплывет.

На носгах гондол горели светильники, и по воде перед ними плыли золотистые круги. Кое-где на волны падали блики от фонарей и светящихся окон, но в темноте Фаренца все равно казалась призрачной картинкой из сновидения, а не реальным городом.

– Думаете, синьор Уркиола жив? – спросил Саварелли. Лонгсдейл кивнул.

– Я сам видел, что убить консультанта нельзя, – ответил Бреннон. – Но качественный удар кирпичом по темени действует на него так же, как и на обычного человека.

Пес насмешливо фыркнул, и Лонгсдейл торопливо добавил:

– Однако даже если опутать Уркиолу чарами или опоить зельями, он довольно быстро придет в себя. Похитителю придется либо все время держать его в бессознательном состоянии, либо постоянно использовать довольно мощную магию, которая оставляет следы.

– Думаю, через пару-тройку дней Уркиола благополучно сбежит и появится на пороге своего дома, – предположил комиссар. – Но чем больше усилий мы приложим сейчас, тем проще нам...

Обе лодки скрылись под массивным мостом, и в этот же миг в них с такой силой что-то врезалось, что дерево затрещало, а гребец кардинала едва не свалился в воду. Гондолы конвульсивно заплесали на волнах. Бреннон вцепился руками в борта, отчаянно жалея об отсутствии револьвера. Из канала в облаке брызг вырвалось белесое человекообразное существо.

Клык вскочил и с места прыгнул на тварь, на лету превращаясь в пылающую комету. Они рухнули в воду, и в воздух поднялся густой пар, в котором Натан едва разглядел еще двух гадин.

– *Ensis in ignis!* – взревел Саварелли. Пылающее лезвие прошло слева от его гондолы, полоснуло ближайшую нежить и закружилось вокруг нее, срезая куски плоти. Мараббекка, визжа, заметалась под опорами моста. Гребец кардинала, проявив поразительное присутствие духа, огрел третью тварь веслом и заорал молитву Деве Марии. Бывшая воспитанница приюта нырнула в канал и спустя секунду с силой впечаталась в дно лодки. Под треск досок в гондолу хлынула вода.

– *Volare nobis!* – прохрипел кардинал, сгреб гребца в охапку, вдруг вознесясь над обломками лодки и жадно тянущимися из воды белыми руками.

Лонгсдейл рискованно перегнулся через борт, схватил нежить за руку и прошипел что-то на элладском. Рука твари задергалась; консультант потащил ее из воды. Когда на поверхности показалась голова, он прижал ладонь к ее лбу и выдохнул еще одно заклятие. Морда мараббекки задрожала, как желе, превратилась в лицо девочки лет двенадцати-четырнадцати, и Лонгсдейл выпустил ее руку. Тело закачалось на волнах, стремительно истлевая, пока наконец волны не размыли прах.

Саварелли взмыл на мост и приземлился там вместе с гребцом. Пес вынырнул из глубин канала, помахал Бреннону мокрым хвостом и решительно поплыл к мосту. Комиссар искал взглядом последнюю нежить, но не обнаружил ни ее, ни пылающего лезвия.

– Еще трем конец, – сказал консультант. – Осталось три. Если их жертвы тоже не обратились. Впрочем, мараббеккам надо чем-то питаться, так что...

Комиссар молча взялся за весло и погреб к причалу у моста. Он не хотел задерживаться в воде ни одной лишней минуты – особенно на этой пропускающей воду утлой посудине. Саварелли уже ждал их и подал Натану руку, помогая выбраться на каменную набережную канала.

– Значит, смотри, но не применяй? – хмыкнул Бреннон. Его преосвященство невинно уставился на него в ответ и вкрадчиво спросил:

– А вы почему ничего не применили?

– Потому что я не знаю заклинаний.

Глаза Саварелли вылезли на лоб:

– Вы что, самоубийца?!

– Ну, точнее, два знаю, – буркнул комиссар. – Люмия и skutum. Они бы тут не помогли. Черт подери! Подозреваемые и раньше порывались меня грохнуть, но не так же быстро! Шустрые типчики, а?

Кардинал выдвинул вперед челюсть и стал похож не столько на духовное лицо, сколько на криминальное.

– Значит, мы напали на верный след! Уверен, в приюте у чернокнижника есть сообщник... Мать Агнесса! – прорычал Саварелли. Подмокшее преосвященство потеряло в величии, но приобрело в грозной суровости. – Я вызову ее к нам и допрошу!

– Погодите с резкими движениями, – остудил его пыл комиссар. – Уверен, что... как вы его называли?.. чернокнижник уже в курсе, что покушение провалилось. Поэтому нам сперва нужно добраться до безопасного места, причем не по воде. Лонгсдейл, у вас есть какой-нибудь фокус?

Пес встал лапами на парапет моста и посмотрел на лодку. Затем на консультанта. Лонгсдейл простер руку к лодке, что-то певуче зашептал, и потрепанное суденышко поднялось в воздух. Клык восторженно заскреб лапами по парапету – похоже, полеты псу нравились так же, как и Натану.

«Вот это дело, – довольно подумал комиссар, перебираясь с моста в лодку. – Намного лучше, чем бултыхаться в воде, как клецки в кастрюле!»

11 октября

Натан, лежа в постели, наблюдал, как Валентина примеряет шляпки, и мучился угрызениями совести. Вчера жена не упрекнула его ни единым словом, хотя он вернулся черт знает во сколько и изрядно подмоченный после стычки с нежитью. Конечно, вивене почувствовала, что он был в опасности, но все же... он ведь обещал ей, что они поедут в отпуск!

– Извини, – наконец сказал Бреннон. – Мы уедем сегодня вечером.

– О, можешь не волноваться, – отозвалась Валентина и достала шляпку из белой соломки. – Я совсем не против задержаться тут еще на несколько дней. Я очень давно не была в Фаренце и даже соскучилась. Город так изменился за последние... последние... – Она слегка нахмурилась, явно пытаясь припомнить, сколько же веков прошло.

– Но мы же в свадебном путешествии, – пробормотал комиссар. – Я должен не пропадать на сутки, а уделять все внимание тебе!

– Но ты уделяешь. Вчера вечером и сегодня утром, два раза, – безмятежно сказала вивене и завязала голубые ленты под подбородком. Натан кашлянул: видимо, она каким-то образом благотворно на него влияла... во всех смыслах. – К тому же нам нужно купить сувениры и подарки, а ты не любишь магазины. И вообще, – она повернулась к Бреннону; ее глаза заблестели от любопытства, – мне всегда было интересно, как ты это делаешь.

– Делаю что?

– Расследуешь. Я ведь тоже могу принять участие! Хочешь, я расспрошу горожан о чем-нибудь? Может, кто-то что-то видел или заметил?

– Э... ну... – Вообще-то мысль была неплохой, сам бы Натан с этим не справился – у него на столе и так лежал целый стог с записями показаний, который еще нужно было разобрать и прочесть. – Если тебе нетрудно, конечно.

– Хорошо. Я вернусь к обеду. Завтрак внизу, я оставила его подогреваться.

Валентина поцеловала его и упорхнула, удивительно жизнерадостная для женщины, муж которой вместо медового месяца отвез ее в город, где буйствует то ли нежить, то ли очередной чернокнижник.

За завтраком Лонгсдейл отдал Бреннону то, что им обещал достать Саварелли, – отчет полиции и документы о монастырском приюте. Натан только подивился тому, как быстро кардинал заполучил все что нужно. После завтрака комиссар и консультант разошлись по комнатам – Лонгсдейл и ведьма намеревались изучить собранные в приюте пробы, а Бреннон засел за документы и записи допросов.

В напряженном, плодотворном труде прошли часы. Наконец комиссар осознал, что зеркало в их с Валентиной спальне последние полчаса издает странные звуки. Настороженно заглянув в комнату, Бреннон увидел в зеркале трюмо злого и мрачного, как туча, Редферна, который немедленно дал волю дурному нраву:

– Какого черта вы там торчите, как кукушка в часах?! Вы что, глухонемой? Зову, зову – и полчаса докричаться не могу! Вы хотя бы...

– Цыц, – строго оборвал его комиссар. – Я был занят. Работал.

– А остальные? – буркнул пироман, несколько остыв.

– Тоже, знаете ли, делом заняты. Могу позвать.

– Я переключусь на зеркало в кабинете Уркиолы. Я сначала пытался связаться через него, но ваш чертов Лонгсдейл сгинул в лаборатории вместе с псом и ведьмой.

«Или он просто благоразумно вас игнорирует», – подумал Бреннон, спускаясь в кабинет. Тот был оборудован рядом с лабораторией, а потому они вскоре собрались за столом перед зеркалом, в котором виднелся кабинет Редферна, сам пироман и, конечно, Маргарет. Пес, правда, остался за дверью. Натан наморщил лоб – в его памяти крутилось что-то связанное с племянницей, но вот что?..

– Вы что-нибудь выяснили? – нетерпеливо спросил Энджел.

– Ну, после серии допросов и обыска в приюте мы обнаружили важные улики... – начал комиссар.

– Уже?! – вскричал Редферн: на его лице отразилось такое изумление, что Бреннон почувствовал себя польщенным.

– Н-да. Правда, наша основная улика сводится к тому, что раз на нас напали, едва мы вышли из этой божьей обители, – значит, мы роем в правильном направлении.

– Кто напал? Дядя, ты цел? – резко спросила Маргарет. Бреннон коротко описал вчерашний инцидент. Редферн слушал, недовольно поджав губы, а потом заявил:

– И на кой, спрашивается, я вам дал целый чемодан со всем необходимым для самозащиты? Вы считаете, что защищаться – это ниже вашего достоинства?

– Вообще-то я ехал в отпуск с женой...

– Маргарет заберет ваш чемодан завтра, когда будет навещать семью, и мы перешлем его вам.

– Но что вы нашли в приюте такого, если вас сразу же попытались убить? – спросила Маргарет. Лонгсдейл кивнул комиссару, и тот пошуршал записями допросов:

– Начнем с того, что мать Агнесса, начальница приюта и монастыря, во время допроса вела себя довольно подозрительно. Она успела адресовать всех монахинь и воспитанниц на определенные ответы, которые от них и услышала местная полиция. Углубляться в проблему местные не захотели.

– Как обычно, – ядовито прошипел Энджел. – Тем более что речь идет о каких-то сиротах с улицы, которых никто не хватится.

– Именно. Жертвы выбраны идеально. Однако в монастыре живут пятьдесят три монахини и сорок восемь девочек. Заставить их всех выучить все в подробностях за пару дней невозможно, поэтому подготовить их к более детальному допросу настоятельница не успела. Итак, для начала сестра Бенедика в ночь убийства слышала звуки капающей воды в комнатах девочек. Кстати, она несколько слабоумна, и я думаю, что сестра Анна неспроста попросила ее поменяться с ней дежурствами. При допросе сестра Бенедика ссылалась на приступ ревматизма, но вид у нее был растерянный.

– Конечно, – хмыкнула ведьма. – Кто станет слушать слабоумную монашку? Хотя вообще-то слабоумные и сумасшедшие гораздо лучше остальных чуют и видят всякое такое. Только им обычно никто не верит.

– Уверен, что к смене дежурной монахини приложила руку мать Агнесса. Она утверждает, что всю ночь до происшествия провела у себя, но несколько монахинь признались, что стучались в ее келью, однако им никто не ответил. Женщин разбудило странное, очень сильное чувство тревоги. Одна из них даже сказала, что убежала бы из монастыря, если бы не запертые ворота.

Энджел нахмурился. У него, видимо, тоже что-то не складывалось, но он пока молчал, только обменялся взглядом с Маргарет. Девушка зашуршала какими-то бумагами за спинкой его кресла.

– Повариха на следующее утро обнаружила, что вся вода в кухне зацвела, продукты сгнили, а воспитанницы в комнатах выше и ниже жаловались на невыносимый запах плесени и обжигающий холод, который наступил где-то около одиннадцати часов ночи. И наконец, ни одна из монахинь не видела трупов, которые должны бы плавать вокруг приюта в количестве девяти штук. Течение в Большом канале слишком слабое, чтобы унести тела меньше чем за час. Последнее, на что я хочу обратить внимание, – рассказ, который они предъявили местным полицейским, выверен почти поминутно. Такого не может быть, когда в замкнутом пространстве в истерике мечутся больше сотни женщин. А еще не может быть, чтобы сто один свидетель описывал все события совершенно одинаково.

– Я изучил место и взял пробы, – сказал Лонгсдейл, когда комиссар закончил. – Сейчас мы с ними работаем, но кое-что уже ясно. Во-первых, внутри комнат никаких следов призыва нечисти или нежити нет. Что бы ни проникло к девочкам, оно пришло извне.

– Но во-вторых, – вмешалась Джен, – в монастыре есть церковь, так что я даже подойти к воротам не могу. По идее, нежити тоже путь внутрь заказан. А нечисти – уже нет. Она вполне может пролезть к жертвам, особенно если ее призвать и указать путь.

– Все следы разложения, которые я нашел в приюте, – хмуро продолжал консультант, – неестественной природы. Они распространяются вокруг определенной области, – он показал Редферну план здания, где все помещения, включая кухню и чердак, выше и ниже комнат погибших девочек были обведены красным.

– В полуподвальном этаже находится кухня, где повариха нашла сгнившие продукты, – сказала Джен. – Монахини, которых мучила тревога, проводили ночь в комнатах над комнатами погибших девочек. Они спят там по очереди.

– Это указывает на целенаправленное воздействие, – подытожил Лонгсдейл. – Если бы нечисть по своему почину проникла в приют, то выкосила бы всех женщин до единой, а разложение обнаружилось бы по всей территории.

– Значит, кто-то контролировал нечисть, – с некоторым удивлением заметил Бреннон. – Но разве это возможно? В смысле, ифрит, которого я видел, не показался мне покорной овечкой.

– Кроме ифрита есть и другая нечисть, калибром поменьше, – ответил Энджел. Маргарет принесла ему книги со множеством закладок. – Мы тоже пытались хотя бы примерно прикинуть, какой ритуал с девятью жертвами проводил наш чернокнижник. Но вариантов, как видите, нашлось слишком много.

– Но теперь мы хотя бы сможем отбросить самые неподходящие, – добавила девушка. – Но меня все еще смущает паника, которую из-за этого поднял синьор Уркиола. Он же консультант. Для него во всем этом не должно быть ничего необычного.

– Судя по тому, что он исчез, – кисло заметил комиссар, – паниковал Уркиола не зря. Но по какой причине – мы все еще не знаем.

– Мы обыскали весь дом сразу же, как приехали, – сообщил Лонгсдейл. – Использовали несколько заклинаний, чтобы выяснить, куда пропал Уркиола. Пока все напрасно.

– Тем не менее работа проведена весьма впечатляющая, – кивнул Редферн. – Продолжайте в том же духе – и справитесь с делом за неделю.

– Ничего впечатляющего в этой работе нет, – проворчал комиссар, вовсе не разделяющий оптимизма пиромана. – Вы бы получили ровно такой же результат, если бы местная полиция провела нормальный допрос.

– Иларская полиция не станет интересоваться смертями нищих сирот, – фыркнул Энджел. – Тут вам не Рида, где после убийства горничной вся полиция чуть ли не на голове ходила.

– Дело не в этом, – поморщился Бреннон. – Почему Уркиола так запаниковал, что стал вызывать в Фаренцу других консультантов? Убить мараббекк довольно легко, я сам видел. Выяснить, кто из горожан балуется черной магией, – для консультанта тоже не проблема. Тогда что его так напугало?

Ответа ни у кого не нашлось. Редферн раздраженно поворошил книги – этот тип привык, что он в комнате самый умный или, по крайней мере, самый знающий. Лонгсдейл задумчиво барабанил пальцами по столу. В дверь тихонько постучали.

– Кто это? – резко спросил Энджел. Дверь открылась, и в кабинет вошла Валентина.

– Надеюсь, я не помешала? – спросила она. – Могу ли я присоединиться?..

– Конечно! – с жаром отозвался пироман, и комиссару совершенно не понравилось, как он вылутился на Валентину. Словно был уверен, что вот она-то и есть лучшее средство для решения проблемы.

– В общем, мне кажется, нам следует разделиться, – подвел итог Бреннон. – Пока Лонгсдейл и Джен будут работать над всяческими колдовскими штуками, я займусь поисками среди людей. Даже чернокнижник оставляет следы. Он же не бесплотный дух, чтоб ему! Кто-то непременно что-нибудь заметил.

– В городе ходят слухи о случившемся, – сказала вивене, занимая самое дальнее от Лонгсдейла кресло. – Правда, ничего магического. Горожане уверены, что причины самые обыкновенные – например, голод, которым морят девочек в приюте.

– Порядочки тут у них, – буркнул Натан и вдруг припомнил: – Кстати, а вы не пробовали то самое заклинание, которое использовали, чтобы выяснить, жив ли отец Грейс?

– Пробовали, – вздохнул консультант, – но на нас оно очень плохо срабатывает. Мы получили три разных результата – что Уркиола жив, мертв и находится в пограничном состоянии.

– Это неудивительно, – проронила Валентина. – Такие чары предназначены для людей, а не для двуединых сущностей.

– Для каких? – удивленно воскликнула Маргарет. Энджел прикусил губу, и Натан сразу понял, что об этой особенности пироман девочке не рассказывал.

– Двуединых, дитя. Сущности, разделенные надвое.

– Что? – растерянно выдавил Лонгсдейл; Джен поднялась и отступила от него, словно это было заразно. – О чем вы говорите?.. Я же... я никогда... – Он вдруг опустил голову и коснулся груди, будто почувствовал присутствие того, другого. Бреннон отвел взгляд, и тут вивене невозмутимо осведомилась:

– Кстати, а каким образом такое количество двуединых сущностей, то есть консультантов, вообще появилось на свет?

Энджел крепко сжал подлокотники кресла и процедил:

– Вам непременно надо выяснить это сейчас?

– Уж пора бы, – заметил Бреннон. – Уркиола пропал с концами, и, скорее всего, за убийствами девочек стоит очередной чернокнижник. Вполне возможно, что он решил пойти путем Ройзмана и похитить консультанта, чтобы выяснить, как же он функционирует. А смерть девочек была только приманкой.

– А что, вполне логично! – встрепенулась ведьма. – Не один же Ройзман такой умный. Уркиола мог сообразить, к чему дело идет, вызвал своих, чтобы заловить гада, но опоздал и попался.

– А потому хотелось бы знать, что может этот чернокнижник обнаружить в консультанте, – сухо добавил комиссар. Лонгсдейл все еще потерянно молчал. Маргарет с трудом отвела от него взгляд и посмотрела на Редферна.

– Вы знали? – спросила она. Тот кивнул, не глядя на девушку. – Знали – и все это время молчали?

– Но никто и не спрашивал, – тихо сказал Энджел. – Впрочем, вы бы сами могли понять – какой смысл в охотнике, который может умереть?

Лонгсдейл вздрогнул и наконец поднял на него глаза.

– Почему? – спросил он. – Почему я не могу умереть?

Редферн молчал, не глядя на консультанта.

– Двуединая сущность, – сказала Валентина, – это сущность, разделенная между двумя воплощениями. Пес и его консультант – по сути одно. Одно целое.

– Да, – сквозь зубы бросил Энджел. – Это и есть суть процесса.

– Которую хотел выдавить из вас Ройзман? – уточнил комиссар.

– Он все равно был слишком туп, чтобы понять ответ.

– Пес и его консультант... – прошептала Маргарет. – Не консультант и его пес... Что вы имели в виду? – гневно воскликнула она, повернувшись к Валентине. – Вы намерено так сказали, значит, вы уже знаете!

– Я догадалась давно, – невозмутимо произнесла вивене. – Это не пес, а фамилиар – бессмертный дух, ставший вместилищем для человеческой души.

– Так он... – Маргарет запнулась; сердце Натана снова сжалось. Он так и не смог примириться с этим знанием. – Так, выходит, он провел в собаке шестьдесят лет? Энджел!

Пироман отвернулся от нее и пробормотал:

– Душа и тело живого существа крепко связаны. Когда наступает смерть, то душа покидает тело. Однако если душу извлечь, оставив не разорванной связь с телом, то смерть не наступит.

Даже комиссару потребовалась минута или две, дабы в полной мере осознать, ЧТО сейчас сказал Редферн.

– Поэтому консультант не сможет умереть, – отрывисто продолжил Энджел. – Во время процесса душу извлекают, сохраняя связь с телом, и помещают ее в бессмертный сосуд, фамилиар. Тело же проходит трансформации. Они позволяют организму регенерировать, то есть самовосстанавливаться после любых ранений, и не стареть.

– О боже, – прошептал Бреннон. Он бы никогда, даже в самом страшном бреду, не смог бы даже смутно представить, как же создают консультантов на самом деле.

– Изменить ничего нельзя, – заключил Энджел. – Процесс необратим.

– Все эти шестьдесят лет тот человек, живой, все понимающий, осознающий, провел внутри пса? – выдохнула Маргарет. – И будет находиться в нем вечно, потому что... потому...

Лонгсдейл поднялся и стремительно вышел из комнаты. Девушка подалась вперед, будто хотела убежать из зеркала следом за ним.

– Одновременно неживые и мертвые, – холодно пояснила Валентина. – Почти мертвое тело и заточенная в сосуде душа. Вот почему они не могут находиться далеко друг от друга слишком долго. Связь очень хрупка, и если консультанта разлучить с фамилиаром, то наступит смерть.

Редферн облизнул губы.

– Не совсем. Консультант впадет в длительную кому. Как вампир в крестьянских сказках. Так что... если фамилиар Уркиолы вдали от него, то сам консультант – практически спящий труп.

– Почему вы молчали?! – с упреком вскричала Маргарет. – Как вы могли столько времени это от них скрывать?

– Ну вот теперь не скрываю, – устало ответил Энджел. – И что? Кому от этого стало легче? Лонгсдейлу? Даже у консультантов, хоть они почти нелюди, есть человеческие чувства. Я не хотел... чтобы они помнили. Ведь они никогда не станут такими, как были. Не станут снова людьми.

Пес лежал на лестничной площадке, свернувшись в большой клубок и поблескивая глазами-угольками. Бреннон остановился перед ним, мучительно соображая, как же теперь быть. Господи, ведь там внутри – настоящий живой человек! А он звал его то Шар, то Кусач, то Рыжий! Все это время – все эти годы, вот от чего у комиссара волосы шевелились, – человек был внутри пса, смотрел на Натана из собачьих глаз таким разумным, полным понимания взглядом! Тот, благодаря кому сотни, если не больше, людей уцелели и спаслись – только

потому, что один человек сделал с собой ради них всех, – а Бреннон даже не знал его имени. И еще Натан понимал, что он сам никогда бы не смог совершить такой выбор.

Пес сел, не спуская внимательного взгляда с Бреннона.

– Я знаю, – сдавленно произнес комиссар и опустил на колено перед псом. Зверь слегка склонил голову. – Редферн рассказал. Теперь я знаю, что вы там. Знаю, как проходит процесс. – Глаза пса сверкнули. – Я не хотел допускать... то есть если вам показалось что-то оскорбительным – то я прошу прощения.

Пес положил лапу ему на колено.

– Мы должны сказать всем. Всем консультантам, я имею в виду. Они имеют право знать. Но если я скажу им, то что будет с ними всеми? Как им жить дальше?

Пес задумчиво опустил морду.

– Я пойду к Лонгсдейлу. Мне кажется, ему сейчас не стоит оставаться одному.

Пес закивал гривастой головой.

– Господи, – прошептал Натан, – как вы только решились на это!

В пасти зверя на миг блеснули клыки, но он больше ничего не ответил и потрусил в гостиную, где скрылся консультант.

– Я бы никогда не смог, – тихо добавил Бреннон, и хвост пса мерно качнулся туда-сюда.

Лонгсдейл сидел у камина, сжав голову руками. Он выглядел совершенно потерянным, как ребенок. Комиссар смотрел на него – на тело, которое должен был считать ходячей пустышкой, – но это же не так! Пусть его руки прохладные, глаза в темноте мерцают голубыми огоньками, пусть он не может умереть – но он же тоже человек! Так же, как и тот, другой, внутри пса.

Натан коснулся плеча консультанта:

– Как вы?

Он медленно поднял голову, увидел пса, вздрогнул и прошептал:

– А я? Как же я? Кто я такой, если он – на самом деле я?

– Я думаю, что вы – это вы. Вы же осознаете себя, помните свою жизнь, общаетесь с другими. Как и любой человек, просто со странностями.

– Но нет, – выдавил Лонгсдейл и посмотрел на свои руки, будто впервые. – Если душа – в фамилиаре, то чья в этом теле?

– Ваша? – помедлив, предположил комиссар, но пес покачал головой.

– У меня нет души, – ответил консультант. – Я бы знал, если б была.

– Откуда?

– Я не могу войти в церковь один. – Лонгсдейл наконец взглянул в лицо Бреннону. – Только вместе с псом. Ни одно лишнее души существо не может войти ни в один храм. А значит, что я... я просто имитация, живая машина, инструмент, чтобы общаться с потерпевшими и свидетелями?

Он задавал вопрос, но Натан не знал, что ответить. Комиссар мог только прислушаться к себе и сказать:

– Мне так не кажется. Я, по крайней мере, не вижу в вас ничего машинного. По мне – так вы вполне человек.

– Без души...

– Ну вы же не разлагаетесь на ходу. Так что я разницы не наблюдаю.

Пес тихо фыркнул. Лонгсдейл дернулся в кресле и резко обернулся к фамилиару.

– Он меня ненавидит, – прошептал консультант. – Я же украл все, что должно быть его.

Пес подошел поставил передние лапы ему на колени и ткнулся большим черным носом в лицо. Лонгсдейл машинально взъерошил густую гриву вокруг морды пса.

– Ну видите, он против вас ничего не имеет, – стараясь утешить, сказал Бреннон. – Вы же не злонамеренно похитили его тело, а, как я понял, просто однажды проснулись в нем.

Пес улегся возле ног консультанта и привалился к ним боком. Лонгсдейл откинулся на спинку кресла, не сводя глаз с фамилиара. Картина стала почти привычной, и комиссар поспешил отвлечь консультанта от мрачных мыслей:

– А теперь подумайте вот над чем: чернокнижник заполучил один из величайших секретов в мире. Ройзман, изучая Регину Эттингер, не смог догадаться, в чем дело, – но вдруг этот не такой тупой? Метод превращения человека в консультанта – это совсем не та штука, которую можно давать каждому.

Лонгсдейл встряхнулся. Пес согласно заворчал и опустил морду на лапы, снизу вверх глядя на Бреннона.

– Вы правы, – сказал консультант. – Наша главная задача – найти Паоло Уркиолу. Но, честно говоря, я пока понятия не имею, с чего тут начинать. Разве что его фамилиар сумеет вырваться от пленителей.

– Думаете, есть шансы? Кто фамилиар Уркиолы?

– Сокол.

– Гм, птичка может и улететь, в отличие от... – Взгляд комиссара упал на пса, который щелкнул зубами. Ну да, этот бы просто перегрыз цепь, засов, охрану... – А насчет поисков Уркиолы у меня есть пара мыслей.

Зеркало погасло, но Энджел все еще смотрел в него. Маргарет молчала – перед ней все еще стояло жуткое видение: человек, проснувшийся после долгого сна в собаке – и увидевший свое тело, в котором теперь живет кто-то другой. И вернуться нельзя...

– Теперь я понимаю, – сказала девушка, – почему вы не хотите с ними общаться. Ведь рано или поздно они бы догадались спросить.

Наставник слабо вздрогнул и сжал подлокотники кресла.

– Я все время помню, – пробормотал он. – Все время – но когда я их вижу... это становится невыносимым.

– А они помнят? Люди, которые внутри фамилиаров?

– Нет. Это было бы слишком немилосердно.

Маргарет нахмурилась. Ей казалось, что пес помнил – по крайней мере, Энджела. Но почему он так кидался на наставника?

– Тогда почему пес мистера Лонгсдейла пытался вас загрызть?

Редферн закрыл глаза. По его лицу пробежала судорога, как от боли. Мисс Шеридан пристально смотрела на него. Он ведь ни разу не рассказывал ей, как встретился с консультантами – и как стал заниматься этим всем.

– Вы принимали в этом участие? – холодно спросила она. Губы Энджела приоткрылись, словно он хотел ответить, но...

– Он больше не проводится, – наконец сказал наставник. – Последний раз это было после гибели одного из консультантов в Дейре. Сорок пять лет назад.

– Но вы принимали участие в этих омерзительных превращениях?

– Я должен был... – Энджел прикрыл лицо ладонью. – Я пытался их вернуть. Но у меня не получилось. Ни разу.

– Вы пытались? – дрогнувшим голосом переспросила Маргарет и взяла его за руку. Наставник наконец поднял на нее глаза. – Но почему у вас не вышло?

– Не знаю. Может, дело в том, что уже извлеченную душу нельзя вернуть, можно только отпустить. Но тогда она отлетит, и наступит смерть. А может, я просто не нашел правильного способа. Я перестал экспериментировать с этим... очень давно.

– Но если попробовать снова?

Редферн покачал головой и вдруг прижал руку девушки к губам. Маргарет провела ладонью по его волосам.

– Я прекратил это, – невнятно прошептал Энджел. – Больше ни одного процесса. Никогда. Я никому не позволю...

– Кто это придумал? Кому могло прийти в голову такая... такое...

– Я не знаю.

– Но как-то же вы об этом узнали? Как вы вообще познакомились с консультантами и стали делать для них инструменты, оружие и все остальное?

Редферн со вздохом откинулся на спинку кресла. Он глядел на девушку из-под полуопущенных ресниц и не отпуская ее руку.

– Я плохо помню. Когда на Лиганте открылся провал, я был при смерти. Я даже не видел сам момент раскола, потому что... – Он поднес руку к глазам, но так и не коснулся их. – Потом сквозь меня словно пронеслась молния. Так обжигающе больно, как будто каждая частица тела разрывается в клочья. А когда я снова открыл глаза и увидел... – Он слотнул. – Я смотрел в воронку провала, и тогда мне показалось, что я гляжу прямо в ад. Я вскочил и бросился прочь, в море, а затем... меня, наверное, вытащили из воды в лодку – я помню, что лежал на мокром дереве и слышал плеск весел. Пока, кажется, не потерял сознание.

– О господи... – задохнулась девушка. – Вы не должны такое помнить!

– Никто не должен такое помнить.

– Разве вы ни разу не пытались узнать, кто придумал процесс? Вы его видели?

– Нет. Я получил инструкции, но обратного адреса и подписи он на них не оставил.

– Значит, это были вы. – Маргарет выдернула свою руку из его руки и отступила. – Вы превратили мистера Лонгсдейла в консультанта. Его и других людей!

– Да, – тихо сказал Энджел. Сердце Маргарет сжалось. Врал ей! Им всем! Все это время он знал, почему пес так бросается на него, знал, сколько людей превратил в монстров, знал – и молчал. Ни единым словом, ни жестом не выдал себя! А до этого – сколько раз он проводил процесс, сколько лишил всего... всего, что только можно представить!

– И вы не сказали мне...

– Но вы же не спрашивали.

Маргарет отвернулась. Ее царапала когтистой лапой боль, о которой девушка до сих пор не знала. Как он мог так молчать, так лгать им – и ей!

– И как оно вам? – процедила Маргарет. – Увлекательное занятие, да?

– Вы знаете, зачем я это делал. Я не видел другого выхода, пока...

– О да, у вас благородная цель, охота на монстров, вы мне все уши прожужжали! Можете не повторяться, я уже знаю, чем вы всегда себя оправдываете. Неужели вы не представляете, каково это – просто проснуться и понять, что кто-то лишил вас абсолютно всего и вы теперь даже не человек?

– О Маргарет, – он чуть слышно вздохнул, – но я-то как раз представляю.

Девушка обернулась. Энджел стоял у зеркала и смотрел на нее. Окажись он разъяренным, или жалким, или оправдывающимся – ей не составило бы труда исколоть его упреками, но он был просто очень печален.

– Иногда вы понимаете, что вы наделали, только увидев результат ваших усилий. Я никогда не смогу этого забыть, и каждый раз, когда вижу их, они напоминают мне...

– Напоминают о том, во что вы их превратили, и потому вы их так не выносите? За то, что сами же с ними и сделали? – с горечью спросила Маргарет.

– Я не выношу не их, – пробормотал Энджел. – Я... впрочем, при взгляде со стороны разницы не видно, так что какой смысл что-то говорить.

Но девушка догадалась, что он хотел сказать. Однако сейчас она не могла понимать еще и его, что бы он ни чувствовал.

– Я навещу семью, – сухо сказала мисс Шеридан. – Они ждут меня, чтобы отметить день рождения. Потом заберу дядин чемодан.

В глазах Редферна вспыхнула тревога.

– Вы хотите уйти? Сейчас?

– Сейчас, – с нажимом повторила Маргарет, – мне нужно побыть подальше от вас.

12 октября

Бреннон обеспокоенно взглянул на часы. Почти четыре утра! Раньше нежить нападала чуть ли не сразу после наступления темноты. Лонгсдейл и ведьма давно должны были вернуться. Уж не случилось ли чего? Он подошел к окну – там сыпал мелкий дождь, больше похожий на пыль.

– Здесь провал, – несколько извиняющимся тоном сказала Валентина. – Из-за него труднее управляться с погодой.

Натан насторожился:

– Значит, из-под купола все-таки что-то вытекает?

– Скорее, излучается. Здесь нет нечисти, если ты об этом, но влияние той стороны очень ощутимо. В Фаренце довольно много нежити и не самый здоровый климат. Люди и животные болеют чаще, стареют раньше и живут меньше.

– Лакомый кус для чернокнижника. Джейсон Мур убил четырнадцать детей, чтоб выцарапать себе с той стороны ифрита. А тут такой соблазн прямо под боком...

– Неужели ты думаешь, – удивленно спросила Валентина, – что кто-то хочет залезть под купол? Даже если не говорить о городе – это же смертельно для того, кто попытается!

– Люди, – со вздохом сказал Бреннон, – способны на все. Особенно если считают, что получают выгоду. Я к тому, что мы слишком рано сосредоточились на одной версии. Может, тут действительно орудует некий охотник на консультантов вроде Ройзмана. А может, Паоло Уркиола просто вмешался в чьи-то чародейские планы, никак с отловом консультантов не связанные. За что и поплатился.

Валентина склонила голову и слегка нахмурилась:

– Но как тогда мы найдем этого чернокнижника? Мы ведь даже не знаем, что он хочет сделать.

– В этом обычно и заключается проблема, – хмыкнул комиссар. – Труп есть – убийцы нет, а в уликах иногда даже с бутылкой не разобраться. А нас к тому же слишком мало. Будь у меня тут еще хотя бы двое-трое! Никогда не думал, что скажу это, но если б пироман решил приехать сюда, дело бы пошло куда быстрее.

– А как же кардинал Саварелли с его инквизиторами?

Бреннон замялся. Не то чтобы он был против кардинала лично, но вся остальная толпа святош доверия не внушала.

– Не думаю, что они настолько хороши в магии. Его кардинальство показал пару фокусов, но тут нужно что-то поосновательнее.

– А я? – вдруг спросила Валентина. – Я хоть и не знаю заклинаний, но тоже способна помочь. В конце концов, – с улыбкой добавила она, – почему бы мне не выступить в роли твоего ассистента на неделю или две?

Натан поперхнулся. Эта мысль оказалась для него слишком революционной. В смысле, она, конечно, вивене, но... но... нормальные полицейские не допускают жен до расследований убийств! Жены обычно пекут пироги и ждут мужа, держа наготове горячий ужин, а не лезут черту в пасть.

– Ты же не против того, что консультанту помогает Джен, а она совсем недавно была еще ребенком.

Бреннон кашлянул.

– Дело не совсем в этом. Я буду беспокоиться о тебе и твоей безопасности.

Валентина удивленно подняла брови:

– Но ты же знаешь, кто я!

– Ну и что? Я все равно беспокоюсь, даже когда ты одна выходишь вечером на улицу. Я не могу просто перестать ощущать тревогу только от того, что ты – вивене.

– О, – с нежностью сказала супруга, взяла его за руку и притянула к себе. Поцелуй был долгим, и Натан даже прикинул, не отправиться ли им в спальню, раз уж консультанта где-то черти носят, но тут снаружи послышался плеск весел. Бреннон неохотно оторвался от жены и выглянул в окно. К дому подплыла лодка с Лонгсдейлом, псом и ведьмой. За ней двигалось что-то невидимое, рывками разрезающее воды канала.

– Похоже, поймали.

– Я не буду спускаться, – сказала Валентина. – Мое присутствие смертельно для нежити. Не хотелось бы все вам испортить.

– Ладно, – вздохнул Натан и заспешил вниз, стараясь не думать о том, как хорошо они бы сейчас провели время.

Лонгсдейл выглядел таким довольным, словно выиграл миллион в лотерею. Пока Бреннон спускался, консультант и ведьма уже затащили клетку в дом и сняли с нее невидимость. Комиссар осмотрел нежить, валяющуюся без сознания внутри. Видок был весьма неприглядный: в приоткрытой пасти виднелись ряды мелких зубов, уходящие в глотку, на руках и ногах были когти, а плоть переходила в сероватые кости.

– Мараббекка, – представил пленницу Лонгсдейл. – Последних двух мы ликвидировали.

– Отлично. Теперь у чернокнижника есть причина надеть новых. Так что не будем тянуть.

– Займемся этим внизу, там есть оборудованное помещение. – Лонгсдейл кивнул Джен, и девушка, без труда подняв клетку, понесла ее к лестнице, ведущей в подвал. Пес оглянулся на комиссара, и Натан пошел следом. Идея выследить чернокнижника через нежить принадлежала ему – ведь как-то же этот тип отдает ей приказы, однако Бреннону не нравилось, что Лонгсдейл решил заняться этим в доме. Что, если чернокнижник точно так же выследит их?

– Вы узнали, где похитили Уркиолу – в доме или на улице?

– В доме следов чужой магии нет, – сказала Джен, – но это ничего не значит. Их могли стереть или просто врезать ему по башке дубинкой. Отлично работает даже с консультантами.

Лонгсдейл позади возмущенно запыхтел.

– Не думали, что Уркиола вообще не был целью чернокнижника? Ваш коллега мог впутаться в его планы, связанные с чем-то совершенно другим.

– Но с чем?

– Не знаю. Например, чернокнижник хочет влезть под купол и добыть себе немного магии с той стороны. Или много.

– Нет! – обеспокоенно воскликнул Лонгсдейл. – Ни один человек не станет так рисковать! Представьте, что сделается с городом, если расколоть купол. Из провала хлынет...

– Вероятно, на город ему плевать, – хмыкнула ведьма. – Представьте, какой соблазн – дыра на ту сторону просто на расстоянии вытянутой руки! Вы, людишки, и не на такое способны, когда вам припрет нагадить ближнему своему.

– Угу. Мур не погнушался четырнадцатью убийствами ради одного ифрита.

– Господи, – пробормотал консультант, – надеюсь, чернокнижнику эта идея в голову не придет.

Комиссар никакого оптимизма на этот счет не питал и спросил:

– Вы сумеете заткнуть прокол в куполе?

– Я один? Конечно, нет! Я даже не знаю, сколько консультантов для этого понадобится. Но такого раньше никогда не случалось, – обеспокоенно добавил Лонгсдейл. – В смысле, кое-какие посягательства были, но Паоло Уркиола с ними справлялся. До того, как злоумышленники добирались до купола.

Ведьма поставила клетку на пол, чтобы открыть замок на двери. Бреннон обернулся к консультанту:

– А как вообще это все работает? Я так понял, что купол полностью закрывает остров с провалом. А штука вокруг него что делает? Отпугивает?

– М-м-м, не совсем. Если кто-то попытается пересечь периметр вокруг купола, неважно, двигаясь к Лиганте или от Лиганты, то его просто испепелит.

Натан присвистнул. Пироман, как всегда, действовал свирепо, зато наверняка. Интересно, сколько безвинного народу поубивалось об этот периметр?

– А если его разомкнуть?

Консультант задумался, и, судя по лицу, эти мысли его не порадовали.

– Пока еще ни у кого не получалось, – пробормотал он и втащил клетку в темную сводчатую комнату, которую освещали круглые шары на стенах. Ведьма прошлась по комнате, зажигая свет. Лонгсдейл поставил клетку посреди рисунка на полу. Комиссар с интересом его рассматривал. Рисунок был похож на цветок орхидеи, украшенный всяческими надписями.

– Разбудите нежить, – велел ведьме Лонгсдейл, разворачивая карту города.

– А чернокнижник не поймет, что вы его обнаружили?

– Нет, – сухо ответил консультант. – Я же профессионал, а не деревенский знахарь.

– Ладно, ладно, – пробормотал Бреннон и отошел, чтобы не мешать. Вот такая магия ему нравилась – практично, удобно и без жертв.

Джен бросила в мараббекку огненный шар. Нежить дернулась, взвыла и вцепилась в прутья клетки. Бывшая сиротка трясла их с такой силой, что комиссар отступил еще подальше. Джен взяла амулет – продолговатый камень на цепочке – и встала над картой. Лонгсдейл зажег круглую лампу, бросил в нее пучок трав, шепотку порошка и начал нараспев читать заклинание, водя лампой вокруг клетки с нежитью.

Из лампы посыпалось что-то вроде светящейся пылицы – она плавно скользила по воздуху, сплетаясь в загадочные (для комиссара) символы, которые, как снежинки, сыпались на мараббекку. Нежити было на них плевать – она яростно грызла решетку, пуская слюну и сверкая фиолетовыми глазами на Бреннона.

Знаки опутали нежить густой сетью. Ведьма окунула амулет в лампу и протянула руку над картой. Знаки заискрились, и камень на цепочке стал раскручиваться, роняя на Фаренцу золотистые хлопья. Они стекались на карте в тонкую мерцающую линию, которая тянулась от дома Уркиолы куда-то вглубь городских кварталов. Вдруг камень задержался, клюнул вниз, цепочка заскользила между ведьминых пальцев, и амулет уткнулся в какой-то дом. Бреннон схватил блокнот и торопливо записал адрес.

– Готово! – объявил Лонгсдейл. Его глаза загорелись от предвкушения. – Чернокнижник здесь!

– Надеюсь, ваш коллега тоже.

– Не думаю. Это Кондимеццо – квартал богатых купцов, вряд ли чернокнижник рискнет устраивать там свое логово. Думаю, мы нашли место, где он живет.

– Тоже недурно. Когда отправимся?

– Сегодня вечером. Мне необходимо хотя бы немного поспать, – несколько извиняющимся тоном сказал Лонгсдейл.

– Ладно. А с ней что? – Бреннон кивнул на мараббекку.

– Я ею займусь. По крайней мере, – вздохнул консультант, – от девяти мараббекк мы избавились.

– Угу. Если только этот тип не наделает новых. Пока вы отдыхаете, я пройду по кварталу и опрошу местных. Может, кто-то что-то заметил в день исчезновения Уркиолы.

Денек был приятный, солнечный – стараниями Валентины. Сама вивене стояла рядом с мужем и выжидательно, но с любопытством на него смотрела. Натан лакомился местным джелато – не смог удержаться от искушения. Отпуск у него, в конце концов, или нет?!

– Итак, – наконец сказал комиссар, уничтожив хрустящий рожок, – идея такова: мы обходим местных жителей от дома к дому и задаем три вопроса: знают ли они синьора, который живет в этом доме, заметили что-нибудь подозрительное за прошедшую неделю, видели каких-нибудь новых людей в квартале.

– А если заметили?

– Тогда потихоньку задавай наводящие вопросы. Впрочем, свидетели вполне могут и так все выболтать, особенно тебе. У тебя располагающая внешность.

– О, спасибо! – рассмеялась Валентина и вдруг, переменившись в лице, метнулась к Бреннону, точнее, бросилась, как коршун. Одной рукой она вцепилась в его плечо, другой – махнула перед лицом и резко повернулась к соседнему дому, загораживая Натана собой. Комиссар зажмурился – от нее буквально исходило сияние ярости, как от солнца в пустыне, такое сильное, что слепило глаза. Если б она не стискивала его локоть, как в клещах, Натан бы, наверное, попытался убежать.

– Что такое? – просипел он, приоткрыв один глаз.

Валентина молча испепеляла взором крышу соседнего дома. Вивене стала ростом выше Бреннона, а вода в канале рядом волновалась, как от штормового ветра.

– Кто-то дал ему заклинание, заглушающее звуки, – пророкотала Валентина. Она повернулась к мужу и раскрыла ладонь. В ней была пуля. – В тебя стреляли с крыши. Вон той.

– О боже, – пробормотал Бреннон. Почему-то чернокнижник назначил именно его врагом номер один и пытался извести с завидным упорством... минуточку! – Я понял! – Комиссар утер слезящиеся глаза и из-под руки окинул соседние крыши цепким взглядом. – Помнишь, Маргарет рассказывала, как ее и пиромана подстрелили иглами с зельем? А что, если так завалили и Уркиолу? Нужно осмотреть крыши и...

– Тебе нужно вернуться в дом, – непреклонно перебила его Валентина. – Я поймаю стрелка и потом осмотрю крыши.

– Ты... что? Господи, да он сбежал, едва тебя увидел.

– Нет, – глаза вивене потемнели, – от меня ему не сбежать. Но сначала, пожалуйста, вернись в дом. – Она ласково сжала ладонь Бреннона, и тот нехотя побрел обратно к особняку Уркиолы. Не то чтобы комиссару это нравилось – но он понимал, что сам догнать стрелка не сумеет, а торчать посреди улицы, изображая мишень, – не самый разумный поступок. К тому же он не хотел нервировать Валентину – она ведь и так из-за него отказалась от отпуска... нормального отпуска, в приличном месте!

Бреннон закрыл дверь и выглянул в окно: на месте, где стояла жена, мелькнула бледно-золотая вспышка и тут же исчезла. Комиссар поднялся к себе – Лонгсдейл еще спал, а в документах, которые прислал Саварелли, было кое-что интересное.

Мать Агнесса подозрительно себя вела во время допроса, но комиссар сомневался, что ей под силу самой устроить в приюте нашествие нечисти. К тому же консультант не нашел внутри здания следов призыва нечистой силы, а настоятельница не успела бы выбраться из монастыря, устроить ритуал с призывом и вернуться: монахини потеряли ее из виду не больше чем на час.

Бреннон придвинул к столу коробки с архивными записями обо всех воспитанницах приюта. Если девочка после восемнадцати лет уходила в монахини и оставалась в монастыре, то в записях делалась соответствующая пометка. Архив был в полном беспорядке, словно его специально вели так, чтобы посторонний ничего там не нашел, но Натан был терпелив и упорен. Он начал разбирать бумаги еще вчера, а сегодня набросился на них с удвоенными усилиями.

Комиссар уже погряз в бюрократии по уши, когда к нему заглянули Лонгсдейл и пес. Фамилиар тут же демонстративно чихнул и улегся мордой к окну.

– Что вы делаете? – удивленно спросил консультант. – Вы же собирались опросить соседей.

– М-да, но случился небольшой эксцесс, и я решил поискать кое-что насчет матери Агнессы в бумагах монастыря.

– Какой эксцесс?

Бреннон посопел и неохотно признался:

– В меня стреляли сегодня утром. Вал...

– Что?! – взревел Лонгсдейл; пес вскочил и оскалил клыки. – Кто посмел?!

– Полагаю, что этот самый чернокнижник. Кому еще это надо?

Пес глухо зарычал; Лонгсдейл, больше похожий на того, другого, чем на себя, размахисто осенил комиссара каким-то магическим знаком и пробормотал заклинание.

– И что это? – недовольно спросил Натан.

– Магическая броня. Она отводит глаза людям, которые намерены причинить вам вред.

– Отлично. А теперь подумайте, на какой куш рассчитывает ваш чернокнижник, если так яростно нападает? При чем не на вас, так что, очевидно, консультантов он за угрозу не считает. Уверены, что вам стоит его выслеживать?

Лонгсдейл задумался. Вдруг в комнате раздался несколько напряженный голос Валентины:

– Натан, вы бы не могли спуститься в гостиную? Я нашла стрелка.

Пес выбежал из комнаты первым, и комиссар заспешил следом – во-первых, чтобы порывистая зверюга не отъела свидетелю голову, во-вторых, потому что голос жены его встревожил.

Стрелок лежал посреди гостиной, и комиссар сразу понял, что он мертв. Валентина, которая стояла рядом, подняла взгляд на Бреннона и сказала:

– Это не я. Я его не убивала. Он был мертв, когда я его нашла.

Лонгсдейл опустился на колено у трупа, провел ладонью над его головой, пошептал и заключил:

– Instant mortem. У него не было шансов.

– Что это?

– Заклятие, убивающее на расстоянии. Видимо, на убийцу наложили чары еще при заказе. Когда пришло время, заклятие сработало. Боюсь, он уже никому ничего не расскажет, и даже некромантия тут не поможет – Instant mortem разрушает мозг и сердце.

– Черт!

– Я отнесу тело в лабораторию. Может, сумею что-нибудь из него вытащить.

Натан повернулся к жене. Она напряженно хмурилась.

– С тобой все в порядке? – спросил он.

– Да. А с тобой?

– Ну, это далеко не первый раз, когда подозреваемый порывается меня прикончить, – хмыкнул Бреннон и взял Валентину за руку. – Ты можешь уехать.

– И оставить тебя здесь? Нет!

– Но наше путешествие...

– Это уже неважно, – заявила вивене; комиссар поперхнулся. Как это – неважно?! – О, Натан, я не хотела тебя обидеть. Я имею в виду, что нельзя бросать все как есть, а без моей

помощи вы не поймаете этого чернокнижника. Даже консультант в опасности, что уж говорить об остальных.

– Ладно, – проворчал Бреннон. – Кстати, вас, консультантов, берут какие-нибудь яды? Может, чернокнижник выманил Уркиолу из дома и с крыши стрельнул отравленной стрелой?

– Может быть, – кивнул Лонгсдейл. – Три-четыре смертельных для человека дозы мышьяка или цианида могут нас усыпить. Это объяснило бы, почему мы не нашли следов магии после похищения Уркиолы.

– Вот поэтому я категорически не рекомендую вам лезть в одиночку в его логово. Даже вместе с Джен. Можете вызвать хотя бы двоих-троих консультантов на подмогу?

– Попробую. Но они не сумеют прибыть сюда немедленно, а я не хочу терять время.

– Лучше для начала попробовать скрытно проникнуть в его дом. Я поговорю с кардиналом сегодня, после того как закончу с бумагами.

– Но с вами пойдет Джен, – строго сказал Лонгсдейл. – И даже не спорьте!

Кардинал любезно предложил Бреннону кофе, пирожные, фрукты и вопросительно уставился на комиссара. Натан положил на стол папку.

– Удивительно, как быстро вы выбили из монастыря все документы. Я-то думал, что мать Агнесса будет вцепляться в каждую бумажку мертвой хваткой.

– Она пыталась, но, к ее несчастью, она обязана выполнять приказы инквизиции, особенно когда дело касается, как вы говорите, вмешательства с той стороны, – сказал Саварелли; он то и дело украдкой поглядывал на ведьму, которая заняла позицию у двери, подальше от распятия и подставки с роскошной Библией.

– Я изучил архивные записи монахинь. Они вели учет всех поступивших к ним девочек, особенно отмечая тех, кто потом постригся в монахини.

– Вы нашли что-то о погибших?

– Нет, я наткнулся на записи, которым тридцать восемь лет. – Натан достал из папки несколько документов. – В двадцать шестом году у ворот приюта оставили двух детей – мальчика лет семи и четырехлетнюю девочку. Мальчика монахини передали своим коллегам, а девочка осталась в приюте и сейчас известна нам как мать Агнесса.

Кардинал выхватил у него бумагу и принялся свирепо багроветь. Бреннон деликатно не стал спрашивать, почему никто не провел проверку персонала приюта, и продолжил:

– Она поменяла монахинь в ночь убийства, отправив на дежурство слабоумную женщину, которой никто не поверит. Однако сама настоятельница не могла надолго покинуть приют – я перечитал все показания, и получается, что монахини не видели ее около часа. Этого слишком мало, чтобы выбраться наружу, устроить призыв нечисти, потом убрать ее из приюта, чтобы она не устроила там бойню, и вернуться обратно.

Саварелли издал низкий горловой звук. Джен громко фыркнула из своего угла.

– Лонгсдейл говорит, что внутри приюта следов проведения ритуалов нет. Значит, кто-то извне...

– Они передали его в доминиканский приют для мальчиков-сирот! Проклятие!

– Почему?

Его преосвященство выпучил на Бреннона глаза и недоверчиво спросил:

– Вам что, неизвестно, какому ордену принадлежит инквизиция? Этот pezzo di merda, cazzo di cacciare, figlio di puttana, brutte come la merda de gatto, – брошь-переводчик не справилась с потоком слов, – этот ублюдок может быть одним из нас!

– А вот это уже не очень хорошо.

– Не очень?! – Кардинал выпалил еще с полдюжины эпитетов, о смысле которых комиссар догадался сам. – Я сам допрошу каждого недоноска в этом здании!

– В целом идея неплоха, но о чем вы будете их спрашивать? Этот мальчик после выхода из приюта вполне мог стать мирным булочником или сапожником.

– А мог и не стать!

Бреннон вздохнул:

– Конечно, будь мы в Блэкуите, я бы обязательно проверил всех родичей матери Агнессы до седьмого колена, но там в моем распоряжении штат детективов и полицейских, а здесь нас просто слишком мало, чтобы успеть все.

Его преосвященство недоуменно нахмурился.

– Как это – слишком мало? Вам чем-то не нравятся мои инквизиторы?

– Э-э-э... н-ну-у-у... – Комиссар замялся. Какой может быть прок с церковных крыс, которые ничего страшнее запойного пьяницы в жизни не видели?

– Мне кажется, – сухо сказал кардинал, – вы что-то имеете против нашего сотрудничества. Мы работали с Уркиолой, и я, и мой предшественник, и его предшественник, и его, и его, и так далее. Инквизиция копила сведения многие века, и уверяю вас, никто из моих людей не упадет в обморок при виде трупа.

– А при виде настоящей нежити? Или, того хуже, нечисти с той стороны? Я не могу требовать, чтобы они рискнули своими жизнями, ведь никто из них не солдат и не полицейский.

– Зато я могу, – невозмутимо отозвался Саварелли. – Тем более провести небольшое расследование в отношении матери Агнессы – это совершенно не опасно, и негласно мы делаем такое довольно часто.

– Гм... я бы не был так уверен насчет не опасно. Меня уже два раза пытались убить только за то, что я подошел к приюту. – Комиссар бегло рассказал кардиналу о недавних событиях, в том числе про найденное логово чернокнижника и свои опасения в связи с этим. Саварелли задумался, поглаживая крест на груди – такой массивный, что им можно было выбить глаз упорствующему грешнику.

– Даже не знаю, с чего начать, – наконец изрек его преосвященство. – Может, с того, что ваша супруга...

– Это не обсуждается, – холодно оборвал его Натан.

– Рискнули же вы на такой жениться, – пробормотал кардинал. – То есть вы уверены, что это не она прибила стрелка в порыве гнева?

– Да. Лонгсдейл подтвердил.

– Насчет дома чернокнижника я с вами согласен. Однако тут я как раз способен вам помочь. Кондимецце – это богатый квартал, где живут уважаемые горожане, купцы и главы торговых гильдий. Если вы хотите проникнуть в чей-то дом, не привлекая внимания, то служители церкви – именно те, кто вам нужен.

Тут Бреннон вынужден был согласиться. В Фаренце церковники пользовались большим влиянием, куда большим, чем полиция. Вряд ли даже чернокнижник станет нападать на священников среди бела дня.

– Хорошо, но нам лучше поторопиться. Лонгсдейл и его помощник, – комиссар кивнул на ведьму, – перебили всех мараббекк. Если чернокнижнику нужна нежить, то он скоро примется за создание новой.

– Мы отправимся сегодня же. К двум часам я все подготовлю. Думаю, четырех человек достаточно?

– Даже трех. Мы ведь не хотим излишнего внимания, а с вами будет Лонгсдейл, его помощник и я.

Кардинал с некоторым скепсисом посмотрел на Бреннона, но спорить не стал.

Лодки плавно скользили мимо красивых домов с колоннами, барельефами и изящными резными ставнями. Кондимецце был очень похож на богатые и респектабельные кварталы Блэкуита, только вместо мостовой – канал.

– Какой дом? – деловито спросил Бреннон.

– Вон тот, – кивнул Лонгсдейл. – Светло-голубой с позолоченными карнизами и скульптурными изображениями голубей.

Натан сидел рядом с ним, псом и ведьмой. Консультант попытался обвешать его амулетами, заклятиями и оружием, как рождественскую елку – шарами, но Бреннон решительно воспротивился. Он прихватил пару револьверов – один обычный, второй заряженный пулями против нежити – и уже привычный акрам. В конце концов, они же не собираются брать дом штурмом и устраивать побоище. То есть комиссар на это надеялся.

Кардинал кроме гребца, брата Луки взял с собой еще одного человека – с виду тихого и бесполезного книжного червя, брата Маттео. Впрочем, Натан уже убедился, что инквизиторская внешность бывает обманчива.

Лонгсдейл остановил лодку напротив голубого палаццо, по фасаду обильно утыканного колоннами и лепниной. На первый взгляд он не отличался от остальных домов. Джен напряженно втянула носом воздух и оживилась:

– Тут припахивает нежитью. Впрочем, в этом городишке то и дело смердит из-за провала на ту сторону.

Кардинал снял с запястья медальон, макнул его в воду и пробормотал длинную фразу на элладском. Натан только хмыкнул.

– Канал чист, – сказал Саварелли. – Нежить тут была, но сейчас ее нет.

– Логично. Наш чернокнижник слишком умен, чтобы гадить там, где живет.

Палаццо принадлежал Козимо ди Камальо. Кардинал назвал его «юным», хотя мальчику исполнилось уже тридцать шесть. Он унаследовал от отца крупный банк (Бреннон проверил бы, не помогли ли Камальо-старшему переправиться на тот свет, но времени на это не оставалось). Семьи у Козимо не было, однако при доме состояло немало прислуги – комиссар развернул предоставленный кардиналом список. Из этих двадцати трех человек чернокнижником мог оказаться любой.

Лодки причалили около входа, и брат Лука ударил в колокол у дверей. Бреннон тоскливо вздохнул: тут не помешало бы окружение из доброй дюжины, а то и двух полицейских. Пока они входят в дверь, чернокнижник может утечь в окно.

– Не беспокойтесь, – пробормотал Лонгсдейл. – Я окружил палаццо невидимым периметром. Никто не войдет и не выйдет, пока мы не закончим.

Седовласый мажордом проводил их в кабинет синьора Камальо. Поднимаясь по лестнице, комиссар оглядывал обстановку – внутри было роскошно, но никаких намеков на черную магию. Джен и пес принюхивались, но пока тоже ничего подозрительного не улавливали. Брат Маттео принялся что-то бубнить под нос, щелкая четками. По ним постреливали искры магического тока.

Козимо ди Камальо поднялся навстречу гостям, вынырнув из-за гигантских гроссбухов, – и Бреннон с первого взгляда понял, что синьор узнал Лонгсдейла и пса. Камальо уставился на консультанта, перевел взгляд на собаку, и его глаза испуганно расширились. Вместо того чтобы выйти из-за стола, банкир подался назад и схватился за спинку кресла, словно хотел за ним спрятаться. Пес оскалился.

Саварелли величаво приблизился к Камальо и протянул руку для поцелуя. Тот, очнувшись, приложился к кардинальскому перстню и покосился на Бреннона, потом на ведьму.

Комиссар ответил ему безразличным взглядом, как совершенно незнакомому человеку. Что за странный страх на его физиономии? До этого чернокнижник действовал нагло и вполне решительно. Испугался личной встречи?

– Что привело ваше высокопреосвященство в наш скромный дом? – спросил банкир. Он даже забыл предложить кардиналу кресло, и его преосвященство устроился в нем без приглашения. Камальо остался стоять.

– Дела светские, синьор, дела светские, – безмятежно отозвался Саварелли. – Как нам известно, ваш банк охотно выдает ссуды на торговлю с Мазандром. Наш труд требует определенных затрат, а потому мы решили вступить в торговые отношения с язычниками-раджами.

Камальо несколько расслабился. Над его верхней губой поблескивали бисеринки пота, но банкир наконец отвел глаза от Лонгсдейла, пса и комиссара, чтобы посмотреть на кардинала.

– Это господа Лонгсдейл, Рейден и Бреннон, – продолжал кардинал, – наши партнеры для торговли в Мазандране.

– Могу ли я осведомиться, есть ли у синьоров рекомендательные письма? – спросил банкир. – Ни в коем случае не хотелось бы оскорбить их недоверием, но интересы нашего банка...

Дальнейшую воркотню комиссар не слушал, сосредоточенно рассматривая подозреваемого и постепенно подступая к столу слева, пока Джен подбиралась справа. Лонгсдейл и его фамилиар стояли прямо перед Камальо, отвлекая его внимание на себя. Брат Лука со скучающим видом оглядывал кабинет, его коллега по инквизиции покачивал четками, как будто случайно переходя из угла в угол.

– Конечно, мы предоставим все бумаги, – сказал консультант, когда Камальо отбормотал свое про банк, гарантии и деловую репутацию. – Но мы надеемся на ответную любезность с вашей стороны. Наша компания не ведет дела с сомнительными конторами, и до нас дошли слухи, что ваш банк был одним из попечителей детского приюта, где несколько дней назад убили десятых воспитанниц.

– Мы здесь совершенно ни при чем! – с жаром воскликнул банкир. Пес щелкнул зубами, и Камальо отпрянул, едва не врезавшись в комиссара.

– Интересное у вас колечко, – произнес Натан. – Фамильное поди, а? Блестит-то как!

Банкир сжал руку в кулак и выбросил его вперед. Кольцо вспыхнуло синим. Комиссара отшвырнуло к стене, а Саварелли внезапно с такой силой толкнул массивный стол, что тот врезался в банкира и впечатал его в кресло. Камальо рухнул на пол и издал такой вопль, словно у него лопнули все ребра разом.

– Не кричите, – невозмутимо велел Лонгсдейл. – Я окружил комнату silentium circa.

– Нет! – взвыл банкир. – Вы не знаете! Вы не понимаете! Боже, боже, уйдите! Я же... он же... о господи!

Последний возглас вырвался у него, когда ведьма, перескочив стол, угрожающе нависла над Камальо и занесла пылающую руку. Саварелли восторженно запыхтел; инквизиторы, крестясь, попятились от стола.

– Только вякни что-нибудь из заклинаний, – промурлыкала Джен. – Сплю рожу до костей.

– Вы не понимаете, – пролепетал банкир, уже весь белый; его так трясло, что зубы клцали. – Он же... он ведь узнает...

– Какой «он»? – спросил Бреннон, присев на корточки около ведьмы. Банкир как-то странно дернулся. Глаза у него вылезли из орбит, в уголках рта появилась пена.

– Уйдите! – засипел он. – Уйдите, оставьте меня, ради бога... он же меня убьет!

– Спорим, я успею раньше, – хмыкнула Джен. – Ну, отвечай!

– Да убирайтесь же! – взвыл Камальо. – У меня всего лишь минута, чтобы... чтобы... – Его голос прервался. Банкир кашлянул, дернулся и вдруг заскреб руками по горлу, колотясь об пол, как рыба, вытщенная из воды.

– Назад! – крикнул Лонгсдейл. – Это Instant mortem!

Комиссар шарахнулся прочь. В углу брат Маттео бубнил молитвы, а бледный брат Лука сжимал стул, подняв его перед собой как щит.

– Сможете что-нибудь сделать?!

Консультант упал на колени рядом с Камальо, протянул над ним руки и быстро забормотал. Вокруг горла, головы и груди банкира появились светящиеся лиловые полосы. Саварелли бросился к нему и схватил за руки, не позволяя раздирать кожу на голове и горле. Пес навалился на банкира, припечатал его к полу.

– Это оно! – зарычала Джен. – Давайте скорее – вы еще успеете поймать след!

– Откачайте свидетеля! – крикнул Бреннон. – Он должен остаться в живых!

– Да на кой черт он вам нужен? – воскликнула ведьма. – Вы его что, в суд присяжных притащите?

Лонгсдейл быстро забормотал на каком-то непонятном языке. Выхватив из ножен трехгранник, он нацелился на полосы и наконец одним взмахом рассек пульсирующие путы. Камальо судорожно забился в могучих руках кардинала, но через секунду безвольно обмяк.

– Господи, – выдавил брат Лука; его коллега так и застыл, вцепившись в четки.

– Не успели, – сказал его преосвященство, шупая запястье жертвы. Впрочем, комиссару все было ясно и так: очередной мертвый свидетель, черт подери!

– Это не он, – буркнул Бреннон. – Не чернокнижник. Хотя вас он узнал, как и пса.

– Как-то быстро ваш чернокнижник избавляется от сообщников, – заметила ведьма. – У него их неограниченный запас, что ли?

– Может быть, и так, – процедил комиссар. – Лонгсдейл, сумеете поймать след?

Консультант кивнул и занялся делом. Кардинал поднялся на ноги, хмуро глядя на труп. Пес слез с него и обнюхал остатки полос.

– Ваш стрелок выглядел так же?

– Получше. Видимо, с ним все произошло быстрее, или он ничего не понял и меньше сопротивлялся. Судя по последним словам банкира, он знал, что его ждет. Нам нужно обыскать дом. У вас тут, похоже, не один чернокнижник, а целая банда.

– Но зачем? – Кардинал окинул взглядом богато обставленный кабинет. – У Камальо и так было все, чего можно пожелать: состояние, положение в обществе, молодость, здоровье. Как он вообще в это впутался?

– Может, ему красоты не хватало, – хмыкнула Джен. – Или чтоб бабы любили. Или денег было мало. А может, его просто запугали.

– Это он превратил девочек в нежить и управлял ими? – спросил Бреннон. – Или кто-то занимался этим в его доме?

– Теперь мы этого уже не узнаем. Что вы будете делать с трупом?

Бреннон повернулся к инквизиторам. Против ожидания, те уже почти пришли в себя – были белее молока, тряслись, но по крайней мере не бились в истерику и не лежали в обмороке.

– Ну, с боевым крещением, – буркнул комиссар. – Видели такое раньше?

Подчиненные Саварелли замотали головами.

– Скоро еще и не такое увидите. Нужно привести тело в порядок, чтобы это выглядело как смерть от сердечного приступа.

– Я смогу, – сказал брат Маттео и нервно облизнул губы. Бреннон удивленно поднял бровь. – Я знаю несколько... несколько слов для лечения. Думаю, для мертвого тела они тоже подойдут.

Комиссар повернулся к его преосвященству, но вопрос «Чему вы их учите в вашей инквизиции?» так и остался невысказанным, потому что кардинал притопывал по паркету и прислушивался к звукам. Джен следила за ним с нарастающим интересом.

– Займитесь трупом, – кивнул инквизитору Бреннон. – Что вы делаете?

– Мне кажется, что паркет уложен неровно и под одной из досок есть полость, – ответил кардинал. – Был странный звук, когда мы шли... так-так!

Комиссар присел на корточки перед доской, по которой Саварелли постукивал каблуком. Ведьма провела по ее краю; он обуглился, и внутри что-то тренькнуло. Джен прожгла пальцами три дырки в дереве и выдернула ее из паркета. Бреннон достал из щели плоскую коробочку. Замка на ней не было, и комиссар протянул находку девушке:

– Сможешь открыть?

– Только если оно не взорвется! – торопливо добавил кардинал. Джен покрутила коробочку в руках, понюхала и показала псу, который решил присоединиться к их компании. Он задумчиво попробовал вещицу на зуб; дерево слабо хрустнуло, и пес с довольным видом положил остатки коробочки к ногам Бреннона. Натан обернул руку платком и стал раскладывать на полу ее содержимое.

В коробке лежали документ в плотном чехле, две непрозрачные склянки и брелок с тремя ключами. Ведьма открыла бутылочки, понюхала и поморщилась:

– Это не зелья. Просто сильнодействующие яды.

Бреннон вытряхнул из чехла документ и развернул. Текст был ему непонятен. Внизу страницы блеснули ярко-синим две подписи. Они искрились, как снег на солнце, и комиссар показал их его преосвященству:

– У вас тут делают такие чернила?

Саварелли склонил голову набок, как большая сова, и осторожно взял документ двумя пальцами.

– Чернила тут ни при чем. Это заколдованный контракт, написанный на весьма изящной латыни.

– И что в нем? – удивленно спросил Натан: он и не подозревал, что кто-то додумается заколдовать юридический документ. Ведьма встала и подошла к телу банкира, над которым все еще трудились Лонгсдейл и брат Маттео.

– Любопытно, – хмыкнул кардинал. – Одна из подписей оставлена синьором Камальо. Хотел бы я знать, что заставило его подписать договор, в котором написано, что за предательство положена немедленная смерть.

– Так и написано?!

– Да. Собственно, – кардинал бросил взгляд на труп, – это мы и увидели.

Бреннон обернулся к банкиру. Джен сняла с его пальца кольцо и поднесла к документу. Бумага завибрировала, и по кольцу пробежала искра.

– Эге, – сказал комиссар, – вот так оно и сработало. Но как этот чернокнижник заставил банкира носить на себе бомбу за...

Кольцо в руке Джен вдруг задрожало и начало обугливаться. Контракт тоже стал стремительно чернеть и осыпаться пеплом.

– Это не я! – взвизгнула ведьма и бросила кольцо на стол.

– Лонгсдейл! – взвыл комиссар, на глазах которого исчезала важнейшая улика. Консультант обернулся, вскочил и выкрикнул заклинание – одно, другое, третье, четвертое, пока самоиспеление контракта не остановилось. В руке кардинала остался клочок размером с четверть ладони. Лонгсдейл заключил остаток улики в прозрачный шар и сказал:

– Теперь мне ясно, почему след от *Instant mortem* приводил меня в эту комнату. Оно закольцовано на контракте. Умно, ничего не скажешь.

Бреннон хмуро оглядел очередное тело, двух инквизиторов, хлопчущих над тем, чтоб оно выглядело не таким потрепанным, мрачного, как туча, кардинала и буркнул:

– Ладно. У нас есть ключи, значит, поищем, к чему они подходят. Лонгсдейл, есть какие-нибудь чары, чтоб скрыть нас от прислуги, пока мы будем шарить по дому?

Консультант кивнул.

– Хоть что-то хорошее. Вы приберитесь здесь и сделайте вид, что банкир помер от внезапного сердечного приступа.

– А с этим что делать? – Саварелли покрутил шар с ключком бумаги.

– Я покажу его другому консультанту, – сказал комиссар. – Это по его части.

Энджел Редферн выглядел утомленным, напряженным и мрачным, словно его что-то грызло изнутри. Вряд ли это была совесть – скорее всего, пироману не нравилось, что Пегги отправилась отмечать свой день рождения с семьей. На клочок контракта в шаре он тоже смотрел без малейшего восторга.

– В потайной комнате за панелями в спальне мы нашли небольшую чародейскую лабораторию, – закончил Бреннон. – Саварелли сейчас решает вопрос с вывозом всего этого богатства, чтобы Лонгсдейл занялся изучением банкирского наследства. Но меня больше всего беспокоит чертов контракт. Какими знаниями должен обладать тот, кто способен собрать такую персональную мини-бомбу?

– Большими, – отозвался Редферн. – К тому же достаточно глубокими и систематизированными.

– Значит, этот тип практиковался и изучал магию годами, если не десятилетиями. И никто не замечал. Даже ваши консультанты.

– Об этом я вам и толкую уже который месяц, – устало сказал пироман. – А до вас только сейчас начало доходить. Отдайте Маргарет остаток контракта, когда она привезет вам чемодан. Я этим займусь.

– Ройзман набрал себе сообщников, но магией орудовал единолично. А этот тип не просто наберновал подручных, но еще и обучил чародейским фокусам.

– С чего вы взяли, что их больше одного? Полагаю, что Камальо был единственным.

– Возможно. По крайней мере, с тех пор как в дело вмешались мы, чернокнижник занят тем, что пытается от нас избавиться. Хоть какая-то польза, – недовольно буркнул комиссар. – Он хотя бы перестал убивать людей десятками.

– Вот видите. Будь у него несколько обученных сообщников, он бы давно закончил начатое.

– Начатое что?

Редферн только вздохнул, поморщился и потер висок. Признаваться в неудачах пироман не любил. Меж тем никто из них ни на шаг не приблизился к пониманию, что и зачем делает неведомый чернокнижник.

– Валентина нашла на соседней крыше мертвых птиц, – сказал комиссар. – Кто-то пролил яд – раствор стрихнина, которым можно уморить быка. Этой дозы хватит, чтобы вырубить консультанта на какое-то время. Никакой магии, никаких следов. Я продолжу допрос соседей, пока кардинал будет разбираться с поисками брата настоятельницы.

Энджел побарабанил пальцами по столу и сказал:

– Пусть начнет со своих инквизиторов. Они копили сведения о магии в течение нескольких веков. Человек с доступом к инквизиторским архивам вполне способен набраться таких знаний, до которых даже Ройзман с трудом бы дотянулся.

– Об этом Саварелли догадался, – фыркнул комиссар: его преосвященство от такого открытия наверняка изобрел немало доселе неизвестных ругательств. – Но наш чернокнижник далеко не идиот. Он прекрасно понимает, где его станут искать в первую очередь. Даже если он и числился среди инквизиторов – там его давно нет.

– Все это – не более чем предположения, – поморщился пироман. – Поэтому я кое-что для вас собрал. – Он встал, скрылся из виду и передвинул зеркало так, чтобы показать Бреннону большую карту Фаренцы – точнее, макет из дерева и стекла. Натан с интересом осмотрел дома, каналы и островки: карта простиралась до выхода из залива. На ней то и дело вспыхивали разноцветные огоньки – то группками, то по одиночке.

– Что это?

– Сигнальная система, – раздался голос Энджела. – Она фиксирует любые проявления магии, нежити, нечисти, отслеживает даже таких, как ваша ведьма. Это, гм-м-м... тестовый образец. Я давно его разрабатывал, он пока еще не идеален, но опробовать уже можно.

– Впечатляюще. Но я не очень понимаю, как ваш образец укажет нам именно на черно-книжника.

– Именно на него – нет. Но система сразу же зафиксирует вспышку активности. Особое внимание нужно обращать на одновременное проявление магии и нежити или нечисти.

Бреннон нашел на карте дом Паоло Уркиолы – окруженный белым свечением, словно маленькая луна. Потом перевел взгляд к заливу – остров Лиганта пульсировал темно-лиловым под золотистой сетью. Около палаццо Камальо мерцал целый сноп золотых и алых искр – Лонгсдейл и ведьма трудились, не покладая рук.

– А для Блэкуита такую можно сделать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.